

ВЯЧЕСЛАВ ЯКОВЛЕВИЧ БЕЛОКРЕНИЦКИЙ:

ОБ ИЗУЧЕНИИ ВОСТОКА, О ПАКИСТАНЕ,
О ДОРОГИХ КОЛЛЕГАХ И О ВЕЗЕНИИ (ИНТЕРВЬЮ)¹

VYACHESLAV Y. BELOKRENITSKY:

ON THE STUDY OF THE EAST, ON PAKISTAN, ON COLLEAGUES,
AND ON LUCK (AN INTERVIEW)

© 2023 **Динара Викторовна Дубровская**

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент Государственного академического университета гуманитарных исследований (ГАУГН), Москва, Россия; distan@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-9372-6553

Dinara V. Dubrovskaya

DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Assistant Professor, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow; distan@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-9372-6553

¹ Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF-2020-0001 «Историко-культурные традиции и ценности в контексте глобальной истории»).

Интервью² с известным ученым-гуманитарием, историком-востоковедом, пакистановедом и теоретиком науки, руководителем Центра Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН профессором Вячеславом Яковлевичем Белокреницким подготовлено в рамках проекта «Российское востоковедение — устная история» Института востоковедения РАН, курируемого В. Ц. Головачевым, выпускающим авторитетную серию «Российское китаеведение — устная история». Интервьюер интересуется историей семьи В. Я. Белокреницкого, его жизненным путем до поступления в МГУ, профессиональной подготовкой в Московском университете и оценкой становления и развития пакистановедения как востоковедной специальности. Отдельное внимание интервьюируемый уделяет коллегам-первопроходцам отечественного пакистановедения — Ю. В. Ганковскому, В. Н. Москаленко и др.

Ключевые слова: пакистановедение, история востоковедения, МГУ, Институт востоковедения РАН, история науки, устная история, интервью, В. Я. Белокреницкий

Для цитирования: Дубровская Д. В. Вячеслав Яковлевич Белокреницкий: об изучении Востока, о Пакистане, о дорогих коллегам и о везении (интервью). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2023. № 2. С. 60–92. DOI: 10.18254/S268684310026691-8

This interview with a well-known scholar in the humanities, an orientalist historian, a Pakistani scholar and a theorist of science, the head of the Center for the Near and Middle East of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Professor Vyacheslav Yakovlevich Belokrenitsky was prepared as part of the project “Russian Oriental Studies — Oral History” of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, supervised by Valentin Ts. Golovachev, publisher and compiler of the authoritative series “Russian Sinology — Oral History”. Interviewers are interested in the history of the family of Vyacheslav Ya. Belokrenitsky, his life path before entering Moscow State University, professional training at Moscow University and assessment of the formation and development of Pakistani studies as an oriental specialty. The interviewee pays special attention to his colleagues-pioneers of domestic Pakistani studies — Yury V. Gankovsky, Vladimir N. Moskalenko, and others.

² Редакция искренне благодарит пиар-специалиста ИВ РАН Д. С. Моеву за помощь с организацией записи, а также магистрантов программы «Социально-культурное развитие стран Восточной Азии» Восточного факультета ГАУГН Анастасию Белоноженко, Ульяну Зыкову и Елизавету Ткаченко за расшифровку интервью. Интервьюер не в первый раз обращается к В. Я. Белокреницкому и его вкладу в востоковедение. См.: [Дубровская, 2021а; Дубровская, 2021б].

Keywords: Pakistani studies, History of Oriental studies, Moscow State University, Institute of Oriental Studies (RAS), history of science, Oral history, interview, Vyacheslav Y. Belokrenitsky, Yuri V. Gankovsky

For citation: Dubrovskaya Dinara V. Vyacheslav Y. Belokrenitsky: On the Study of the East, on Pakistan, on Colleagues, and on Luck (An Interview). *Oriental Courier*. 2023. No. 2. Pp. 60–92. DOI: 10.18254/S268684310026691-8

— **ДД:** Уважаемый Вячеслав Яковлевич, спасибо за возможность побеседовать с вами в рамках проекта «Устная история российского востоковедения». Сегодня мы проводим интервью с заведующим Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН Вячеславом Яковлевичем Белокреницким, и впереди у нас длинный и захватывающий разговор.

— **ВБ:** Здравствуйте, уважаемая Динара Викторовна! Рад этому разговору, хотя, возможно, он окажется утомительным для читателей (смеется).

— **ДД:** Хотелось попросить вас рассказать немного о времени, о себе, об изучении Пакистана в России и в нашем институте.

Из Москвы в Москву: война, эвакуация, родители

— **ВБ:** Динара Викторовна, спасибо за эту беседу. Я впервые даю подобное интервью, поэтому постараюсь рассказать о себе, о том, откуда я родом, кем были мои родители. Родился я очень давно, в начале войны, 5 ноября 1941 года в городе Казани, но семья моя происходит из Москвы. В Казани я оказался, потому что мою маму с последним паромом отправили из Москвы по Оке и по Волге. В ноябре мама родила меня в Казани, мы провели там месяц, а потом переехали в город, называвшийся тогда Куйбышевым (а ныне, как и раньше, — это Самара), куда временно перевели центральный аппарат Государственного банка СССР, где она в то время работала. Маму эвакуировали вместе с ее родителями и с матерью ее мужа — моего отца. В Куйбышеве мы оставались до 1943 года, после чего вернулись в Москву, на Преображенку, в дом номер 20 по Суворовской улице.

Родители моей мамы были москвичами из рабочей, мещанской среды. Рядом с нашим домом находилось здание ткацкой фабрики, где работал сначала мастером, а потом директором мой дед, Петр Донатович Лихачев (фабрика была частная и после национализации ее передали в руки рабочих, которые избрали моего деда директором, как тогда говорили — «красным директором»). Моя бабушка, Ольга Ивановна Проклова, была из семьи еще более скромного происхождения, из крестьян, но на тот момент они уже были москвичами. Семья моих бабушки и дедушки имела четверых детей и проживала, можно сказать, на окраинах Москвы. Моя мама родилась в 1913 году, ее старший брат в 1912 году, а двое мальчиков, родившиеся в 20-е годы, умерли. И несмотря на то, что дед был «красным директором», в партию он не вступал и похоронил сыновей по христианскому обычаю. В конце 20-х годов на него написали клевету, разжаловали из директоров в простые мастера и с тех пор жили они довольно бедно. Закончил свою жизнь Петр Донатович в марте 1953 года, спустя 20 дней после объявления о смерти Сталина. Бабушка пережила мужа всего на полтора года.

— **ДД:** Вячеслав Яковлевич, а как звали вашу маму?

— **ВБ:** Маму звали Валентина Петровна Лихачева. Со стороны отца, Якова Михайловича Белокреницкого, я еврейского происхождения. Белокреницкий, к слову, неправильное написание, должно писаться *Белокреницкий*, поскольку происходила семья отца из австро-венгерского украинского города Белая Криница, где, кстати, располагался одно время центр широко известной старообрядческой общины. Вообще-то отец должен был по паспорту быть Яковом Мои-

С отцом и матерью в пять лет на Рижском заливе, 1947 г.
Из личного архива В. Я. Белокреницкого
Vyacheslav Y. Belokrenitsky with his father and mother at the age of five at the Gulf of Riga, 1947
Photo from the author's personal archive

сеевичем, но записан был как Яков Михайлович, что было для того времени обычно. Дед по отцовской линии — Моисей Львович — умер в 1930 году. Его супруга, Софья Львовна Яковсон, моя бабка, никакого отношения к знаменитому Роману Яковсону³ не имевшая, умерла зимой или весной 1942 года, вскоре после моего рождения. Воспитывался я в семье мамы, в кругу ее родственников и знакомых, но с папой был очень дружен, и он мне много рассказывал о себе и своей жизни.

Отец родился в 1909 году в городе Алуште, куда его мать приехала летом на курорт. Семья отца жила на Украине до отмены черты оседлости (граница территории, за пределами которой

запрещалось постоянное проживание евреям). В 1911 или 1912 году семья переехала в Москву и расположилась в довольно большой квартире в доме на 4-м Полевом переулке, рядом с входом в парк Сокольники. Я хорошо помню это место — около парка находилось поле, которое стало застраиваться однотипными двухэтажными домами. В этом месте и прошло мое детство.

После революции от четырех комнат квартиры у семьи отца осталось две. Насколько помню из папиных рассказов, со своим отцом он был не очень близок. В юности он занимался спортом, потом увлекся комсомольской работой. Закончил Александровское коммерческое училище⁴. В том же районе, на Новой Басманной, он рабо-

3 Роман Осипович Яковсон (*Roman Jakobson*; 1896–1982) — российский и американский лингвист, педагог и литературовед, один из крупнейших лингвистов XX века. — *Ред.*

4 Московское Александровское коммерческое училище — среднее специальное учебное заведение для приготовления к торговой деятельности юношей из купеческих, мещанских, ремесленных и крестьянских семей, находилось на Старой Басманной улице. — *Ред.*

тал после окончания учебы банковским служащим, а в 1938 году его взяли в центральный аппарат Государственного банка. Туда он пришел после «ежовских чисток», когда руководителем Госбанка назначили будущего председателя Совета министров СССР Н. А. Булганина. Отец при нем стал секретарем комсомольской организации. Работал до войны то ли заместителем, то ли заведующим сектором сельскохозяйственного финансирования, ездил в командировку в Прибалтику после провозглашения в 1940 г. Литвы, Латвии и Эстонии советскими республиками. В 1941 году его не забрали в армию из-за брони, но уже в начале 1942-го он служил в армейских финансовых учреждениях и вскоре возглавил полевое отделение Госбанка в одной из армий, воевавших на севере. Закончил войну в 1945 году в Берлине, уже в звании майора и в должности начальника полевого отделения Госбанка 5-й Ударной армии под командованием генерала Н. Э. Берзарина, в составе фронта маршала Жукова.

Армия Берзарина была в Берлине комендантской. Это было следствием того, что она, как считалось, первой вступила на территорию города, и Берзарину выпала честь стать первым комендантом немецкой столицы. Отцу же удалось одним из первых побывать в гитлеровской канцелярии, он увлеченно рассказывал, как принимал участие в описи финансовых богатств Третьего рейха. Как известно, проезжая по Берлину на мотоцикле, Берзарин погиб в дорожной катастрофе. Отец же в конце 1945 года вернулся в Москву. Встреча с ним после войны — мое самое яркое детское впечатление.

После войны у отца сложилась неплохая карьера в Госбанке. Он получил заочно высшее финансовое образование, потом стал заведующим сектором, финансовым советником 3 ранга, но в 1952 году в разгар дел о врачах-убийцах, в основном, еврейского происхождения, его исключили из партии и перевели из центрального аппарата в Калининское отделение банка. В конце 50-х годов он перешел

работать на Карачаровский механический завод, выпускавший лифты и прочее тяжелое оборудование. Это был большой завод, отец в должности главного экономиста был там на хорошем счету. В середине 60-х годов он принимал участие в осуществлении попытки либерального реформирования социалистической экономики. Был знаком с известным экономистом А. М. Бирманом и написал две небольшие книжки — «Предприятие и банк», вышедшую в 1962 году [Белокреницкий, 1962], и «Финансовая служба предприятий в новых условиях» [Белокреницкий, 1969]. В 1971 году отец заболел раком и в 1972 году умер, не дожив до 63 лет. Мама пережила его на много лет и скончалась в 1996 году. Я сохраняю о родителях дорогую мне память. Вот в общем-то и вся история моего происхождения.

— ДД: Вячеслав Яковлевич, выходит, вы единственный ребенок в семье?

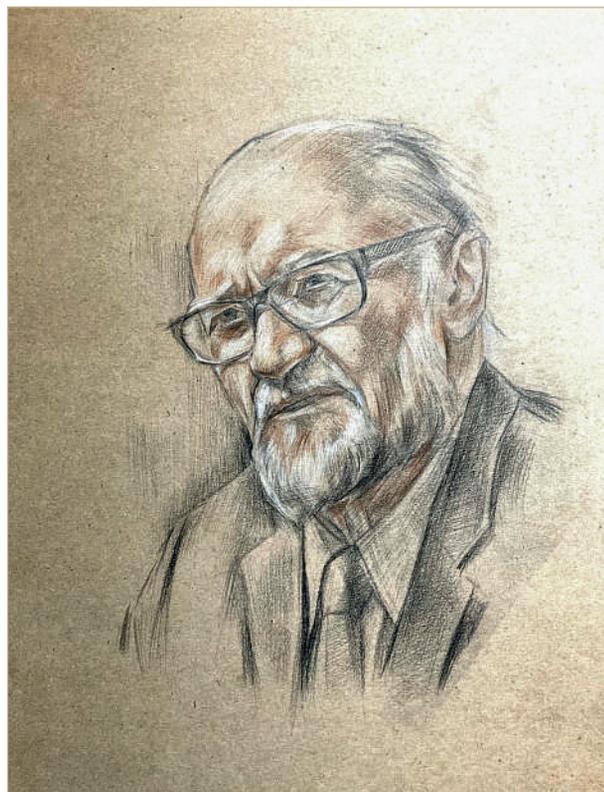
— ВБ: Да, все верно. Мама болела сердцем, ей сказали, что можно иметь лишь одного ребенка, даже вовсе не советовали заводить детей, но она все-таки рискнула.

— ДД: А можно попросить рассказать немного о вашем личном настоящем, о супруге и детях?

— ВБ: Мою супругу, с которой мы вместе уже более 56 лет, зовут Вероника Александровна Баранчук, по образованию она библиотекарь, до выхода на пенсию работала инженером-патентоведом. Ребенок у нас один — дочь Анна, выпускница РГГУ. В конце 90-х она вышла замуж за американца и живет сейчас в Сан-Франциско, у нее тоже единственный сын, ему скоро будет 11 лет, зовут его Лайнес, второе имя — Джеймс, в православном крещении — Яков. Дочь очень скучает по России, часто к нам приезжает вместе с сыном, а иногда и с мужем.

— ДД: Вячеслав Яковлевич, насколько помню, ваша дочь — искусствовед?

— ВБ: Да, она защищала магистерскую диссертацию в Нью-Йорк Сити Колледже по Михаилу Васильевичу Матюшину, имя которого часто упоминается в связи с именем Казимира

Портрет В. Я. Белокреницкого, выполненный Натальей Винокуровой для выставки «Академический портрет», прошедшей в Институте востоковедения РАН 5–15 июня 2023 г.

Portrait of Vyacheslav Ya. Belokrenitsky, made by Natalia Vinokurova for the “Academic Portrait” exhibition, held at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences on June 5–15, 2023

Малевича. Матюшин был еще и композитором оперного спектакля, прославившего Малевича⁵. Она защитила диссертацию по Матюшину и влиянию Успенского⁶, известного философа, на целую плеяду художников.

— **ДД:** Спасибо большое, Вячеслав Яковлевич! Давайте перейдем к востоковедению, хотя вот и Успенский, как известно, совершил путешествие на Восток...

ПОЧЕМУ ВОСТОК И НЕМНОГО О ВЕЗЕНИИ

— **ДД:** Для начала, когда вы вообще впервые узнали о такой стране, как Пакистан?

— **ВБ:** Первой была скорее Индия, а уже потом Пакистан.

— **ДД:** Тогда в принципе — почему именно Восток привлек ваше внимание?

— **ВБ:** Почему Восток? Объясню. Мне крупно повезло. Я вообще считаю, что мне в жизни везло, у меня не было особых талантов, но все в жизни складывалось достаточно удачно. В первый раз повезло со школой. В 1949 году недалеко от нашего дома в Сокольниках открылась школа N. 1 Мосгороно с углубленным изучением английского языка. Это была не только мужская школа, но и что-то вроде кадетского корпуса, школа для представителей, скажем так, хорошо образованной части московского об-

5 Михаил Васильевич Матюшин (1861–1934) — русский художник, музыкант, теоретик искусства, один из лидеров русского авангарда первой половины XX в. Композитор футуристической оперы «Победа над Солнцем» (1913), прославившей Казимира Малевича. — *Ред.*

6 Петр Демьянович Успенский (1878–1947) — русский писатель, эзотерик-исследователь, путешественник, известный журналист, автор оккультно-публицистических работ, синтезирующих науку и эзотерику, математик. — *Ред.*

щества. Половина наших учителей были мужчинами, а после войны — представляете, что такое учитель-мужчина? Некоторые из них были блестящими педагогами и специалистами. Помню, преподавателя английской литературы Бессмертных, который во время войны был переводчиком с немецкого. Нас очень хорошо готовили, даже по сравнению с американской программой в той части, которая касается литературы на английском. Позже я поражался тому, насколько плохо изучается английская и американская литература в американских школах и даже университетах, где мне доводилось общаться с тамошними профессорами. Мы в школе начинали изучать английскую литературу с Джеффри Чосера, потом изучали Шекспира, а американцы начинают с Шекспира и этим нередко и заканчивают. Помимо английской литературы на английском, преподавали анатомию, географию, еще несколько предметов. Это была действительно хорошая школа. На тот момент в старших классах в ней учились дети тогдашнего председателя Совета министров Г. М. Маленкова⁷, они были на слуху, оба закончили школу с серебряной медалью.

— ДД: Объективно, Вячеслав Яковлевич, как вы думаете?

— ВБ: Думаю, объективно. Я их не помню: начинал с первого класса, а они с шестого — разница большая. Но вот в параллельном классе учился такой известный в будущем человек, как Слава Бэлза (Святослав Игоревич, сын музы-

коведа, телеведущий)⁸. Окончил нашу школу и недавно ушедший от нас арабист и политолог Константин Михайлович Труевцев (Костя был на год с небольшим моложе, мы с ним подружились уже позднее, после 2000 года)⁹.

— ДД: Если не ошибаюсь, в одной школе с вами еще учился Михаил Иванович Крупянко¹⁰?

— ВБ: Да, верно.

— ДД: А он был старше или младше?

— ВБ: На несколько лет младше. У нас вообще училось много впоследствии известных людей. Вообще, то была удивительная школа, и это была моя первая удача. О Востоке мы, конечно, слышали, читали, и я им интересовался. Отец больше любил читать о Западе, а я больше о Востоке, попал в струю «популярного евразийства» (как это я сегодня понимаю). Одним из моих любимых авторов был Василий Ян и его трилогия «Нашествие монголов», в частности, роман «Батый»¹¹. Помню эту толстую книгу, как и имена всех детей и внуков Чингисхана. Потом уже по истории России я читал произведения Валерия Язвицкого¹². Помню его пятитомник «Иван III — государь всея Руси» — о средневековой истории России, тесно связанной с Востоком.

Что касается Индии, то тогда вышел на экраны фильм «Хождение за три моря». Тема Индии была вообще весьма популярна, в какой-то мере это и определило мой выбор, хотя меня интересовал не столько Восток, страноведение, а скорее история, политика, философия. Но в 1959 году,

7 Георгий Максимилианович Маленков (1901–1988), советский государственный и партийный деятель, соратник И. В. Сталина, председатель Совета Министров СССР (1953–1955). Участник так называемой антипартийной группы (1957). Фактический руководитель СССР в марте 1953 – феврале 1955 г. Сыновья: Андрей (род. 1937) и Георгий (род. 1938). — *Ред.*

8 Святослав Игоревич Бэлза (1942–2014) — советский и российский музыковед, литературовед, музыкальный и литературный критик, публицист, телеведущий, музыкальный обозреватель телеканала «Культура». Народный артист Российской Федерации (2006). Лауреат Государственной премии Российской Федерации (2012) и Премии Правительства Российской Федерации (2013). — *Ред.*

9 Константин Михайлович Труевцев (1943–2023) — российский востоковед, политолог, политический деятель. — *Ред.*

10 Михаил Иванович Крупянко (род. в 1944 г.), российский японовед, д-р. полит. н. (2002). — *Ред.*

11 Василий Григорьевич Ян (1874–1954), советский писатель, автор исторической трилогии «Нашествие монголов» — «Чингиз-хан» («Чингисхан», 1939), «Батый» (1942) и «К «Последнему морю»» (1955). — *Ред.*

12 Валерий Иоильевич Язвицкий (1883–1957) — русский советский драматург, поэт и писатель, автор научно-популярных, политических, исторических и научно-фантастических книг. — *Ред.*

**В. Я. Белокреницкий — студент
Института восточных языков,
МГУ, II курс, 1961 г.**

Из личного архива В. Я. Белокреницкого

**Vyacheslav Ya. Belokrenitsky
as a student of the Institute of
Oriental Languages, Moscow State
University, 2nd year, 1961**

Photo from the author's personal
archive

накануне нашего окончания школы, Н. С. Хрущев издал запрет на поступление на философский и исторический факультеты МГУ прямо со школьной скамьи без двухлетнего рабочего стажа или службы в армии. Исключение делалось для языковых вузов. В 1957 году при МГУ открылся Институт восточных языков (ИВЯ), и он не попадал под общее правило, так что туда можно было поступать сразу после школы. Я подал документы в ИВЯ и после экзаменов был зачислен в группу хинди (индийскую) и оказался там вместе с двумя одноклассниками Борей Захарыным и Верой Макарычевой.

— **ДД:** Девочка?!

— **ВБ:** Да, их было всего четыре в классе из примерно 30 человек. После введения смешанных школ в середине 1950-х к нам в школу принимали девочек. Школа № 1 в то же хрущевское время, перейдя из ведения Мосгороно в ведение Сокольнического отдела народного образования, постепенно теряла свою исключительность, а к нашему времени, насколько я знаю, утратила ее вообще. Что касается судьбы нашей группы,

то Вера, обладая прекрасными способностями, не сделала профессиональной карьеры, а вот Боря, Борис Алексеевич, первый защитил среди нас кандидатскую диссертацию, затем тоже первым — докторскую. Он является известным лингвистом, вплоть до последнего времени возглавлял Кафедру индийских языков в нынешнем ИСАА, Институте стран Азии и Африки МГУ им М. В. Ломоносова.

— **ДД:** А когда ИСВ превратился в ИСАА, напомните, пожалуйста.

— **ВБ:** Насколько помню, ИВЯ был переименован в ИСАА в 1972 году, когда ректором стал бывший зам. директора Института востоковедения Р. Т. Ахрамович. Но это надо проверить.

— **ДД:** Извините, можно мы ненадолго вернемся к вашей группе в ИВЯ?

— **ВБ:** Мы с самого начала должны были выбирать специальность — история или филология. Из десяти человек в группе большинство выбрали филологическую специальность, а я со своей исторической оказался в меньшинстве.

Филологию, помимо Захарьина, выбрали Саша Сенкевич и Мила Васильева.

Саша уже в институте был известен, как начинающий и многообещающий поэт. Сейчас за плечами Александра Николаевича Сенкевича¹³ большой творческий путь, он автор восьми сборников стихов, вышедших в Москве, в Риге, в Париже. Помимо этого, он доктор филологических наук, ученый и литератор, написавший три книги для серии «Жизнь замечательных людей». Особенно популярна его книга о теософке Е. П. Блаватской, вторая книга, о Будде, тоже быстро разошлась, третья книга, недавно вышедшая, — о писателе Венедикте Ерофееве. Все они, по словам автора, моего давнего друга и товарища, представляют собой своеобразную трилогию, в основе которой лежит буддистская канва.

Что касается Милы, с которой я тоже давно дружу, то она работает у нас в Институте. Людмила Александровна была энтузиастом языка, приехала к нам из Ленинграда, где уже в Доме пионеров занималась хинди. По окончании ИВЯ работала в Комитете по телерадиовещанию, стала блестящим знатоком хинди и особенно урду, была диктором радио Москвы, вещавшим на Пакистан, и там ее речь воспринимали, говорят, как образцовую. Позднее она пришла к нам в институт, защитила диссертацию, и сейчас является главным специалистом по литературе на урду, автором книг о творчестве знаменитых поэтов Ф. А. Фаизе, А. Х. Хали, в целом, по пакистанской литературе и культуре.

— **ДД:** Можно небольшой уточняющий вопрос? В мое время в ИСАА входило историческое отделение, филологическое (они оба составляли Историко-филологический факультет) и Социально-экономический факультет. А из каких факультетов состоял ИСАА, когда он еще был ИВЯ?

— **ВБ:** У нас было два направления — филологическое и историческое, а экономика и социология была частью исторического фа-

культета или направления. Очень хорошо, что вы спросили о специальностях, потому что на последних курсах я стал заниматься современной экономикой Индии. Писал диплом под руководством Владимира Ивановича Павлова. Это была крупная фигура в индологии и в теории развития слаборазвитых стран. Он куда-то уезжал, и я защищал диплом под руководством Григория Григорьевича Котовского, ведущего индолога, сына легендарного Григория Ивановича. Учились мы, к слову, долго, — шесть лет, потому что один год мы провели на стажировке в Индии. При поступлении мы отнеслись к обещаниям о стажировке скептически, но нас послали, и 1963–64 годы большинство из группы провели в Индии.

— **ДД:** Вячеслав Яковлевич, а кто был ректором в ваше время?

— **ВБ:** Ректором был Александр Александрович Ковалев, но я его не очень хорошо помню, потому что практически с ним не контактировал. Плохо помню вообще внутреннее устройство ИВЯ того времени. После института меня распределили в ТАСС, и я год с небольшим работал там редактором. Меня хотели послать работать в Дели, но обстановка в ТАСС показалась мне не слишком привлекательной, хотелось заниматься наукой. В конце 1966 года у меня был выбор: пойти младшим научным сотрудником в Отдел Индии, Пакистана, Непала и Цейлона, куда меня приглашал Г. Г. Котовский, или поступить в очную аспирантуру и специализироваться по Пакистану. Надо сказать, что еще в 1964 году во время пребывания в Индии, я познакомился с Юрием Владимировичем Ганковским, приехавшим в Дели на Всемирный конгресс востоковедов. Он меня запомнил и пригласил в аспирантуру, и я рад, что согласился. Индологи были сильными, много и продуктивно работавшими людьми и работа младшим научным не дала бы мне той свободы, которую я получил, выбрав аспирантуру, а разница между зарплатой м. н. с. и стипендией аспиранта была незначительной.

13 Александр Николаевич Сенкевич (род. 1941 г.) — советский и российский индолог, филолог, писатель и литературный переводчик, поэт. — *Ред.*

Считаю, что этот выбор стал моей второй большой удачей. Юрий Владимирович был либеральным руководителем, дал мне полную свободу в работе над темой, помогая в поиске материала. Правда, условия сложились так, что заниматься макроэкономикой — тем, что меня особенно интересовало, я не смог, добро на это не дали. Получил тему мелкого промышленного производства в Пакистане.

— **ДД:** Неожиданная тема...

— **ВБ:** Да, казалось бы, нет более отдаленной от важных экономических вопросов темы, чем мелкое производство. В известной мере, так оно и есть, но тогда мелкое (сейчас говорят «малое») производство и мелкая буржуазия были своего рода модой. Поскольку в слаборазвитых странах не было крупного по численности пролетариата, мелкая буржуазия казалась естественным союзником СССР. К тому же эта тема органично входила в господствовавшую тогда теорию многоукладности. Видный индолог, Алексей Иванович Левковский, как и другие, доказывал, что национальная буржуазия уже на стороне Запада, а вот мелкая буржуазия еще может быть нашим сторонником. Из-за такого рода идеологии развивалось в то время направление, в котором я подвизался. Были среди коллег «по несчастью» замечательные специалисты, такие, как Александр Петрович Колонтаев, автор нашумевшей в «узких кругах» книги «Низшие формы производства в странах Южной и Юго-Восточной Азии».

— **ДД:** Что же было дальше?

— **ВБ:** Хотя со сбором материала по такой теме, как моя, было нелегко, мне удалось за три года написать диссертацию и успешно ее защитить. После окончания аспирантуры меня сразу зачислили в штат Института. Этому способствовало преобразование пакистанского сектора в Отдел Пакистана. Зачисление после

предварительной защиты можно считать удачей, поскольку тогда институт балансировал на грани предела штатного расписания — для Москвы (без учета филиала в Ленинграде) это было, сколько я помню, 800 человек. Тогдашний директор, **Бободжан Гафурович Гафуров**¹⁴ был фактическим отцом-основателем современного Института востоковедения. После его прихода к руководству в 1956 г. штат сотрудников стал увеличиваться и достиг того предела, о котором я сказал. Б. Г. Гафурову как человеку исключительно авторитетному и в Академии наук, и в ЦК КПСС удавалось иногда обходить формальные препятствия.

В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК

— **ДД:** Итак, вы были зачислены в штат в конце 1969 года. Позвольте, Вячеслав Яковлевич, спросить, а как в дальнейшем складывалась ваша судьба в Институте?

— **ВБ:** Вы же помните, что я говорил о везении. В Институте мне всегда везло. Поскольку младшему научному сотруднику даже со степенью кандидата наук платили весьма немного, а у меня родилась дочь, я вынужден был искать более денежную работу, чем очень огорчил узнавшего об этом Ганковского. В это время из долгосрочной командировки в Пакистан возвращался сотрудник АПН (Агентства печати Новости) Николай Иванович Ермошкин. Его жена, Ирина Викторовна Жмуйда, еще до поездки с мужем в Пакистан, работала в Отделе Индии. И вот, благодаря случаю и усилиям заинтересованных людей удалось сделать «рокировку» — Ирину Викторовну приняли на мое место в Институт, а меня временно откомандировали в Пакистан работать в должности редактора АПН с местом базирования в Карачи, первой столице Пакиста-

14 Бободжан Гафурович Гафуров (1908–1977), советский государственный и партийный деятель, историк-востоковед. Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Таджикистана (1946–1956). Директор Института востоковедения АН СССР (1956–1977), д-р ист. наук (1949), академик АН Таджикской ССР (1951), академик АН СССР (1968). Герой Таджикистана (1997). О Б. Г. Гафурове и Институте востоковедения см.: [Институт востоковедения РАН... 2018, с. 72–76; Яковлев, 2021].

Здание муниципалитета**г. Карачи** (открытка)

Из личного архива В. Я. Белокреницкого

Municipality building, Karachi,**Pakistan** (a postcard)

Photo from the author's personal archive

на, где еще оставалась часть посольства, в частности, его департамент по работе с прессой. Так я оказался с семьей в Пакистане и провел там три года с мая 1974 по июнь 1977 г.

— **ДД:** Вячеслав Яковлевич, а вы могли там заниматься наукой?

— **ВБ:** Нет, за те три года я почти ничего не написал, но я был все же в стране своего научного интереса, наблюдал ее жизнь. По воскресеньям работал в библиотеках, знакомился и беседовал с представителями научно-преподавательских кругов. По возвращении из командировки я возобновил работу в Институте.

— **ДД:** Может быть, сразу расскажете о дальнейшей работе в нем?

— **ВБ:** Да, с удовольствием. В 1979 году уже при новом директоре **Евгении Максимовиче Примакове** меня назначили на должность старшего научного сотрудника, что было тогда большим продвижением. В 1982 г. вышла в свет вторая моя книга в издательстве «Наука» по урбанизации в Пакистане (первая по мелкому производству в пакистанской экономике вышла в 1972 г.). В 1987 г., вскоре после того, как директором стал **Михаил Степанович Капца**, меня назначили на должность зав. Отделом Ближнего и Среднего Востока. Эту должность занимал и превосходно руководил Отделом Ю. В. Ганковский, но вышел указ Академии наук о предельном возрасте для работы в этой должности — 65 лет, и Юрию Владимировичу

пришлось перейти на другую работу, он стал руководителем самостоятельного сектора «Энциклопедия Азии». В 1988 г. была издана третья моя академическая книга «Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития». По этой теме я защитил диссертацию и в 1990 г. стал доктором исторических наук. Тема была стыковой между историей и экономикой, и одним из моих официальных оппонентов был доктор экономических наук. Моя книга, кстати, была переведена на английский и издана в Индии в 1991 г. левым издательством *Patriot Publishers*. Не буду утомлять вас впредь перечислением своих публикаций.

— **ДД:** Так вы стали зав. отделом в 1987 году и остаетесь им до сих пор?

— **ВБ:** Да, представьте себе. Самому страшно, оттого что прошло столько лет — 36. Правда, я дважды за это время уезжал преподавать за границу, на полгода в США в 1992 и на год в Японию, в 1993–1994 годах. В это время меня в качестве зав. отделом заменял Владимир Николаевич Москаленко. Хочется вспомнить, что за прошедшие три с половиной десятилетия из жизни ушло целое поколение работавших в нашем подразделении блестящих исследователей — туркологи Владимир Иванович Данилов, Николай Гаврилович Киреев, Петр Павлович Моисеев, Борис Михайлович Поцхверия, Елена Измайловна Уразова, Ирма Львовна Фадеева, а совсем недавно, в начале этого года, — Светлана

Поздравления в связи с 75-летием В. Я. Белокреницкого в 2016 г. На фото с юбиляром — В. В. Наумкин и А. К. Аликберов
Из личного архива В. Я. Белокреницкого
75th anniversary of Vyacheslav Ya. Belokrenitsky (2016)

In the photo with the hero of the day — Vitaly V. Naumkin and Alikber K. Alikberov
Photo from the author's personal archive

Филипповна Орешкова, иранисты — Салех Мамедович Алиев, Артем Завенович Арабаджян, Нина Алексеевна Кузнецова, Елена Алексеевна Дорошенко, Людмила Михайловна Кулагина, афганисты — Александр Давыдович Давыдов, Виктор Григорьевич Коргун, курдологи — Манвел Арсенович Гасратян, Михаил Семенович Лазарев. О пакистановедах я скажу особо.

— ДД: А когда отдел изменил свое название на Центр изучения стран БСВ?

— ВБ: Это случилось позже. В 2009 г. после победы на выборах директором Института стал **Виталий Вячеславович Наумкин**. Я ему очень благодарен за предложение войти в состав новой дирекции в качестве заместителя директора по науке. При этом я остался по внутреннему совместительству руководить Отделом. Среди проведенных новой дирекцией преобразований было создание ряда центров в качестве самостоятельных отделов. Тогда и родилось новое название, причем ключевым для меня является указание на то, что мы занимаемся не всем Ближним и Средним Востоком, а отдельными странами — Турцией, Ираном, Афганистаном, Пакистаном и этническим Курдистаном, т. е. населенными преимущественно курдами территориями в Турции, Иране, Сирии и Ираке. В Центре у нас и сегодня работает много замечательных специа-

листов. Они очень востребованы в нынешней международно-политической обстановке. Не хочется кого-либо называть, чтобы никого не обидеть. В институте, впрочем, хорошо знают сотрудников Центра, одного из самых крупных подразделений. С совместителями и лаборантами у нас сейчас более 35 человек.

— ДД: А как вам работалось в дирекции?

— ВБ: О, это было замечательное время. Работать вместе с Виталием Вячеславовичем большая честь и великолепная школа. Он меня поражает своей работоспособностью и разнообразием научных интересов. Мне повезло и с другими коллегами по дирекции — с ушедшей из жизни неожиданно в 2016 г. Эльгеной Васильевной Молодяковой, с Натальей Геннадиевной Романовой, с занимавшим пост директора в 2015–2020 гг. Валерием Павловичем Андросовым и с нынешним директором Аликбером Калабековичем Аликберовым. С теплотой я вспоминаю о зам. директоре по общим вопросам Геннадии Алексеевиче Попове, до сих пор не могу себе простить, что не поехал проститься с ним. Высоко ценю и других членов администрации, в частности, нынешнего зама по общим вопросам Леонида Дмитриевича Гаркотина, автора популярных книг и рассказов о верующих людях.

Участники конференции в Институте востоковедения РАН

Сидят слева направо — В. Н. Москаленко, Ю. В. Ганковский, В. Я. Белокреницкий
Стоят — И. Н. Серенко, С. Н. Каменев и др., начало 1990-х гг. Из личного архива В. Я. Белокреницкого
Participants of an Orientalistic conference at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Sitting from left to right — Vladimir N. Moskalenko, Yury V. Gankovsky, Vyacheslav Ya. Belokrenitsky
Standing — Irina N. Serenko, Sergey N. Kamenev et al, early 1990s. Photo from the author's personal archive

**Юрий Ганковский
И ДРУГИЕ КОЛЛЕГИ**

— **ДД:** Давайте вернемся к прошлым годам. В вашей судьбе большую роль сыграл Ю. В. Ганковский. Расскажите о нем, пожалуйста.

— **ВБ:** О Юрии Владимировиче написано много, в том числе Владимиром Николаевичем Москаленко и мной. Он обладал харизмой, какой-то скрытой внутренней энергией, большим обаянием, был уверенным в себе, ярким, эрудированным, остроумным, но не ради самого остроумия, в то же время достаточно сдержанным, находчивым в ответах, интересным собеседником, доброжелательным человеком, хотя относился доброжелательно не ко всем. Вообще многие люди послевоенного поколения, работавшие в Институте, были сильными людьми, которым приходилось бороться за «место под солнцем». Ганковский одно время был

ученым-секретарем при Гафурове, а это многого, видимо, требовало, немало усилий нужно было, чтобы соответствовать тогда такой должности.

По происхождению Ю. В. Ганковский происходил из семьи репрессированного в конце 1930-х генерала армии. Несмотря на это, ему дали поступить в МГУ на исторический факультет. Одну из его курсовых работ опубликовали. К слову, начинал он не с Индии, а с Ирана. Во время войны он служил в армии, воевал на передовой, но прошел войну без ранений. В число репрессированных попал в 1947 или 48 году, когда, закончив Университет, преподавал в Военном институте иностранных языков, знаменитом ВИИЯке. В своих письмах он, вроде, допустил какие-то высказывания, и его осудили на 10 лет заключения в лагерях. Там он находился почти до самой своей реабилитации после смерти Сталина. Женился он еще до ухода на фронт. Жена, Лия Вениаминовна Дворкина,

ждала его дважды — с фронта и из лагерей. Они прожили жизнь до конца вместе. Лия Вениаминовна умерла за два года до кончины Юрия Владимировича в сентябре 2001 года.

После реабилитации Ганковский энергично занимался наукой. Уже в 1958 г. вышла книга «Империя Дуррани» по средневековой истории Афганистана. Потом он переключился в основном на Пакистан, но в 1980-х годах вернулся к Афганистану и к истории народов Центральной Азии, да и в целом Азии. Он обладал огромной эрудицией, прекрасной памятью, аналитическим умом, имел большое количество учеников. Более 30 человек защитили под его руководством кандидатские и докторские диссертации, среди них многие были из Средней Азии и отдаленных от Москвы городов. С удовольствием он занимался со специалистами из неакадемических учреждений, много их консультировал, писал справки и записки для «инстанций», как тогда говорили. Вел большую общественную работу, как президент общества советско-пакистанских культурных связей. В Пакистане его очень хорошо знали и ценили — политики и ученые.

Вот, у меня стоит здесь, в кабинете, книга, недавно выпущенная бывшим пакистанским послом, который служил в посольстве Пакистана в СССР в конце 1980-х годов. Вспоминая о работе в Москве, он особенно выделяет Ганковского. Это потому, что все остальные были, как он написал, «рядовыми работниками», а Ганковский выделялся особым шармом, он как бы давал понять, что знает что-то, что им неизвестно, и хочет это до них донести. То есть он умел создать впечатление.

— ДД: Как интересно!

— ВБ: Да! Вот такой отзыв о нем. Нужно вспомнить еще о его друге и коллеге Хафизе Малике, профессоре Университета Вилланова, в штате Пенсильвания в США. Весной 1991 года он организовал для Юрия Владимировича приглашение поработать там в течение семестра

иностранным профессором. И Ганковский — то был самый конец Советского Союза — полгода там преподавал, причем ездил туда вместе с Лией Вениаминовной. Он сам свободно говорил по-английски, но Лия Вениаминовна знала язык профессионально, помогала ему при подготовке лекций. Будучи профессором из СССР, он стал знаменит, его принимал мэр Филадельфии, афроамериканец, об этом писали в газетах.

Хафиз Малик¹⁵ не раз бывал у нас и во времена СССР, и после. Приезжал он к нам на 90-летие Ганковского, на конференцию в 2011 году. Он тоже был интересной личностью. Он говорил: «я первый пакистанец, получивший американское гражданство, и первый — один из немногих — женившийся на еврейке». Семья его жены, Линды Малик, была родом из России. Когда я был у них дома в гостях, она показала мне перевод на английский «Евгения Онегина», выполненный ее дядей, перевод с сохранением ритмики пушкинского стиха. Сама она по-русски не говорила, но сохранила интерес к России и ее культуре. Хафиз Малик написал много научных работ, умер в 90 лет относительно недавно, и многое сделал для пакистанистики и изучения мировых дел. Конечно, он писал с американских позиций, настроен был соответствующим образом, но обладал и здравым смыслом, и интуицией, и эрудицией, хотя, конечно, был ангажированным, так как **политология без ангажированности теряет смысл, без нее она просто невозможна.**

— ДД: Вячеслав Яковлевич, расскажите, пожалуйста, и о других ваших коллегах и друзьях.

— ВБ: Прекрасно, начнем с нашей компании первых лет моей работы в Институте. У нас тогда было мужское ядро — Миша Сидоров, Сережа Левин и Володя Москаленко, о котором я уже упоминал. У меня сложились сначала лучшие отношения с Сидоровым и Левиным, потому что Москаленко был «наверху»: участвовал в общественной жизни, был партийным организатором, мне казался более

15 Хафиз Малик (Hafeez Malik; حفیظ ملک; 1930–2020) — пакистано-американский политолог, профессор политологии в университете Вилланова в Пенсильвании (США).

На фоне знаменитого Хайберского прохода из Афганистана в Пакистан. В. Я. Белокреницкий с В. Н. Москаленко и пакистанским коллегой, 1995 г. Из личного архива В. Я. Белокреницкого
In front of the famous Khyber Pass from Afghanistan to Pakistan. Vyacheslav Ya. Belokrenitsky with Vladimir N. Moskalenko and a Pakistani colleague, 1995. Photo from the author's personal archive

суховатым, и общаться теснее мы с ним стали позже.

Но начать я хочу с **Владимира Николаевича Москаленко**. После возвращения из командировки в Пакистан именно он стал моим соавтором, он, пожалуй, единственный, с кем мы хорошо работали как соавторы. Москаленко был историком, специалистом по внешней и внутренней политике Пакистана, а я экономистом, политологом с социологическим уклоном, и мы удачно дополняли друг друга. В 1981 г. издательстве «Мысль» тиражом, заметьте, в 60 000 экземпляров вышла наша небольшая брошюра на 7 авторских листов по Пакистану в серии «Социально-экономического проблемы развивающихся стран». У Москаленко была любимая жена Ирина (Ирина Михайловна, кажется), профессор МГУ, специалист по истории партии, историческому материализму (истмату). Она была таким правильным человеком из скромной рядовой семьи, а он происходил по отцу из

военной среды, а по матери из интеллигентской среды, московской или ленинградской, точно не помню. Сам он был интеллигентом, ценившим интеллектуальные качества в людях.

ОТСТУПЛЕНИЕ ОБ ИНТЕЛЛИГЕНТАХ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛАХ

— **ДД:** Вячеслав Яковлевич, а в чем разница между интеллигентом и интеллектуалом?

— **ВБ:** Разница между интеллектуалами и интеллигентами, на мой взгляд, есть. Москаленко был интеллигентом, как, впрочем, пожалуй, и Ганковский, хотя это не отрицает всего того, что я сказал о нем раньше. Юрий Владимирович, кстати, запомнился мне несколькими крылатыми фразами, такими, например, как «Самое страшное — это оказаться в плену у пропаганды, особенно своей», «Если хочешь сделать кому-то зло, то делай сразу, а если добро, то по частям», «Хорошая мысль приходит опосля».

— ДД: А примеры интеллектуала тогда?

— ВБ: Это обычно люди не совсем правильные, я бы так сказал, не совсем помещающиеся в дозволенные рамки.

— ДД: Это как Леонид Сергеевич Васильев¹⁶, наверное?

— ВБ: В известной мере, да. Все это зависит от сферы деятельности, от общей культуры. Есть культура, направленная на результат, поданный как интеллигентский труд, хотя мы здесь с вами плаваем в море давно прописанных вещей, просто пытаюсь *ad hoc* (по случаю) об этом поговорить... Интеллектуалами, мне кажется, являются люди искусства или пишущие об искусстве, рассуждающие, мыслящие о духовных и высоких культурных темах.

— ДД: Теперь, по крайней мере, поняла, что вы имели в виду, когда говорили об особенностях интеллектуалов.

— ВБ: Да, кстати, Сергей Фридрихович Левин был, по-моему, больше интеллектуалом, потому что у него был интерес к знаниям ради знания, я бы еще вот это выделил, знания не ради прагматической цели. Есть люди ничего особо интеллигентского не совершающие, но интеллектуалы по развитию и мировосприятию.

— ДД: Это очень интересно. Сначала-то я решила, что вы имели в виду людей, которые занимаются какими-то глубокими научными проблемами, но при этом пренебрегают интеллигентскими условностями, почему и вспомнила Васильева, который мог выступить резко или экстравагантно, а потом поняла, что вы говорите о другом.

— ВБ: Да, может быть и такая трактовка. Кстати, интеллектуал чаще оказывается в оппозиции к властям, чем интеллигент. Хотя опять же и

понятие «интеллигенция» предполагает определенную оппозиционность.

— ДД: Интеллигенция, похоже, вымирает у нас на глазах. По-моему, она вся у нас здесь в академии только и осталась.

— ВБ: Отдельные социальные слои проходят разные периоды существования. Был период, когда массовым слоем был рабочий класс, фабричный пролетариат, а где он теперь? А ведь это много значит для современной ситуации в мире. Интеллигенция тоже переживает период упадка, деградации, с этим ничего не поделаешь.

ВНОВЬ К СТАРЫМ ДРУЗЬЯМ

— ВБ: Возвращаясь к Владимиру Николаевичу Москаленко, надо сказать, что он был верным другом и товарищем, тяжело пережил потерю жены в 1991 году. Через несколько лет он женился на своей бывшей подруге по университету и прожил с Анной Васильевной еще почти 30 лет. Мы сохраняем о нем добрую память.

Кстати, он был первым заведующим сектором Пакистана. Когда в 1977 году директором ИВ АН СССР назначили Е. М. Примакова¹⁷, он стал ставить институт на более практические рельсы и решил, что отдел Ближнего и Среднего Востока, во главе которого стоял В. В. Цыбульский, занимавшийся восточными календарями, нуждается в реформировании. Примаков сделал Ганковского новым руководителем отдела БСВ и присоединил к нему отдел Пакистана, которым тот руководил примерно 10 лет, причем присоединил в самый нужный момент — в 20-х числах апреля 1978 года: спустя несколько дней в Афганистане произошла апрельская (Саурская) революция¹⁸, которая надолго связала

16 Леонид Сергеевич Васильев (1930–2016) — выдающийся советский и российский историк-востоковед, китаист, автор двухтомной «Истории Востока» (1993), трехтомной монографии «Древний Китай» (1995–2006) и многих других трудов. — *Ред.*

17 Евгений Максимович Примаков (1929–2015) — советский и российский политический и государственный деятель, экономист и востоковед-арабист. Председатель Правительства Российской Федерации (1998–1999), министр иностранных дел РФ (1996–1998), руководитель Центральной службы разведки СССР (1991), директор Службы внешней разведки России (1991–1996), председатель Совета Союза Верховного Совета СССР (1989–1990). В 1977–1985 гг. директор Института востоковедения АН СССР. — *Ред.*

18 Апрельская революция (انقلاب ثور; Саурская революция) — военный переворот в Демократической Республике

Афганистан с Пакистаном. Юрий Владимирович оказался очень на месте. Тогда заведующие отделами совмещали эту должность с должностью заведующего каким-то из секторов. Ганковский выбрал Афганистан, а Москаленко стал заведующим пакистанским сектором. Если говорить еще раз о Ганковском и нашем участии в афганской эпопее, то надо вспомнить, что он ездил в Афганистан до ввода наших войск и рассказывал нам по приезду, что власть левой промосковской Народно-Демократической партии Афганистана непрочна, НДПА допускает много просчетов и ошибок. В общем, он весьма критически отнесся к новой власти, не идеализировал ее. Поэтому, когда некоторые в печати вплоть до последнего времени высказываются в том смысле, что Институт востоковедения, востоковеды, способствовали вводу войск в конце 1979 г., то это неверно в отношении большинства специалистов и особенно в отношении Ю. В. Ганковского.

— **ДД:** Мы перешли от друзей к политически злободневным сюжетам. Может быть, вернемся еще раз к вашим друзьям?

— **ВБ:** Да, о **Сергее Фридриховиче Левине** я уже упоминал как об интеллектуале. Таким я его воспринимал. Его мать была ответственным работником то ли «Правды», то ли «Известий» и во время войны, как он говорил, разговаривала со Сталиным по телефону. Но, тем не менее, его не сразу приняли в МГУ, а, когда он окончил истфак в 1952-м, не взяли никуда, кроме как преподавателем в среднее медицинское училище под Москвой. И только в 1956-м он поступил на работу в Институт востоковедения АН СССР. Он нашел свою нишу в изучении крупной буржуазии Пакистана. Сюжет оказался глубоким и актуальным, потому что крупная буржуазия Пакистана в 1950–1960-х годах по большей части состояла из гуджаратцев, выходцев из

Бомбея (ныне Мумбаи). Они принадлежали к мусульманским торгово-купеческим кастам, обращенным из индусов в мусульман и сохранивших эндогамность (браки внутри общины). В большинстве это были мусульмане-шииты, точнее исмаилиты-ходжа и бохра, и сунниты-меманы. Вот он и изучал их внутреннюю структуру и роль в быстром экономическом росте Пакистана в 1970-х годах. Думаю, никто в мировой литературе так глубоко не изучил эти общины, как Левин. Если бы перевели его книгу «Формирование крупной буржуазии Пакистана» [Левин, 1970] на английский язык, она бы нашла много читателей. Помимо гуджаратской буржуазии, Сергей Фридрихович занимался панджабской, синдхской, пуштунской буржуазией, и в этом весьма преуспел. Сергей пережил инсульт в 44 года и умер в 1984 году, не дожив до 55 лет. Его жена, Ирина Федоровна, трогательно ухаживала за ним и рассказывала, что, будучи в первый раз женой академика-технаря, могла сравнить степень их увлеченности своим делом, утверждая, что у С. Ф. она была больше. В книге «Государство и монополистическая буржуазия Пакистана» [Левин, 1983] он забежал далеко вперед, монополизма там не было. Там были олигархи, но тогда их было принято называть монополистами.

Теперь еще об одном моем друге из упомянутых выше — о **Михаиле Аркадьевиче Сидорове**. Его отец, Аркадий Лаврович, был членом-корреспондентом Академии наук СССР и получил большую трехкомнатную квартиру на Ленинском проспекте в «академическом доме»; он нас приглашал к себе, когда отца уже не было в живых. Смутно помню его интеллигентную мать. Встречался я там с будущим академиком **Григорием Максимовичем Бонгард-Левиним**¹⁹, другом Михаила. Гриша и Миша были веселыми, душевными, располагающими к себе людьми. Зная о моем интересе к исто-

Афганистан 27 апреля 1978 г., результатом которого стало установление в стране социалистического просоветского правительства и начало гражданской войны. — *Ред.*

19 Григорий Максимович Бонгард-Левин (1933–2008) — советский и российский историк-востоковед, индолог, специалист в области истории и культуры Индии, Центральной и Южной Азии. Доктор исторических наук, профессор. Действительный член АН СССР (1990; с 1991 — РАН). — *Ред.*

рии предреволюционной России, Миша давал мне читать книги и рукописи из отцовской библиотеки. Занимался он аграрными проблемами Пакистана и знал эту тематику очень хорошо, писал и об индийском опыте «зеленой революции», но в полной мере себя не реализовал. Любил компании, страдал от известной русской болезни, и на этой почве возникли психические нарушения, а потом туберкулез.

— ДД: У вас получаются все какие-то грустные истории.

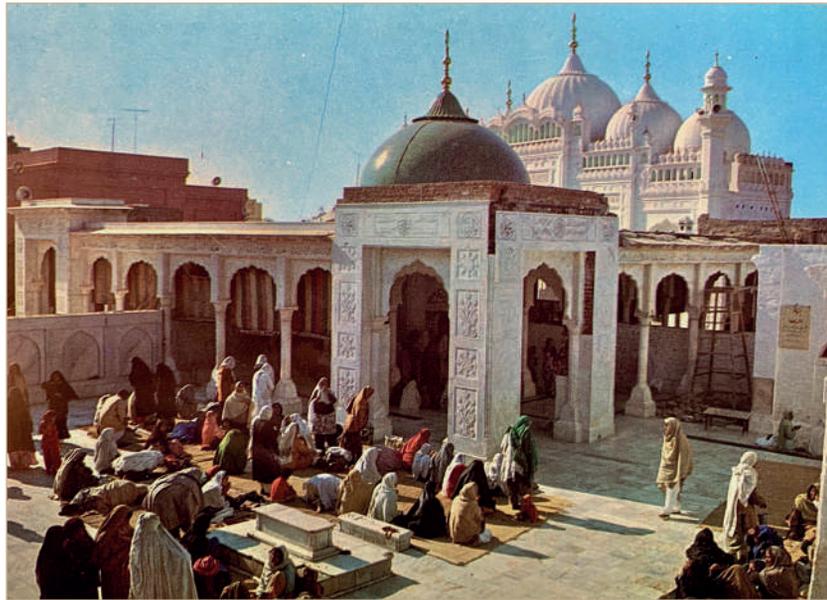
— ВБ: А что делать? Вот, **Сергей Наумович Каменев**, представитель более молодого поколения... я надеялся, что он возьмет на себя руководство Центром, когда защитит докторскую, но в 2018 году он погиб, когда мы готовились к его защите. Предзащита была назначена на 10 декабря 2018 года, а его в самом конце ноября насмерть сбила машина.

Сережа был потомственным востоковедом, сыном **Наума Мануиловича Гуревича** — крупного специалиста по Афганистану, историка и экономиста. Сергей пришел к нам после окончания пединститута (в МГУ его не взяли), пришел уверенным в себе человеком с хорошей семейной подготовкой. В 25 лет защитил кандидатскую диссертацию, издал книгу «Экономический рост Пакистана» [Каменев, 1977]. При Е. М. Примакове он стал работать в ученом секретариате, потом по линии Института уехал в посольство СССР в Индии и провел там с семьей много лет, став дипломатом. Служил помимо Индии в Туркмении, потом, вернувшись в Институт, возглавил сектор Пакистана, сменив в этой должности В. Н. Москаленко и более 10 лет успешно руководил им. Мы посмертно издали его книгу «История экономических процессов в Пакистане» [Каменев, 2019]. Жена Сергея, **Марина Самуиловна Каменева** — как-то не хочется называть ее вдовой — один из главных иранистов в Центре, на протяжении почти двух десятков лет его ученый секретарь. Мы очень сожалеем, что с нами нет ее Сережи.

— ДД: А были ли среди ваших коллег заметные ученые-женщины?

— ВБ: Да, конечно. Прежде всего надо вспомнить **Ирину Викторовну Жмуйда**, о которой я упоминал в связи с командировкой в Пакистан. Она была историком-экономистом, специалистом по промышленности Пакистана, по внешнеэкономическим связям, исламской экономике, автором трех индивидуальных монографий, вышедших в 1970–80-е годы [Жмуйда, 1981]. Человек редкой души, прирожденного такта. Она умерла не так давно в начале 2000-х, тяжело умирала... бывает такое, разным людям дается разная смерть. Еще в секторе работала **Раиля Мухсиновна Мукиджанова**, доктор наук, специалист по внешней политике Пакистана и международным делам. Уроженка Ташкента, она пришла в отдел международных отношений Института в конце 1950-х. Возглавлял этот отдел **Григорий Львович Бондаревский**, видный представитель востоковедов первой послевоенной волны. В 1970-х годах она перешла из его отдела в наш и стала дорогим незаменимым коллегой. В 90-х у нее трагически погиб сын, она тяжело, но мужественно справлялась с ситуацией, написала книгу о внешней политике стран Центральной Азии [Мукиджанова, 2005]. Потом по болезни была вынуждена уйти на пенсию, и исчезла, к сожалению, с нашего горизонта.

Еще одна потеря у меня связана с уходом человека из практической жизни — речь о **Руслане Романовиче Сикоеве**, вместе с которым я издал две книжки по Афганистану и Пакистану, в том числе, «Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана» [Белокреницкий, Сикоев, 2016]. Мы делали эту работу по гранту Отделения историко-филологических наук РАН, и с Русланом Романовичем работать было очень приятно. В конце 2016 года ему сделали неудачную операцию — он жив, но жив только для семьи. Если вспоминать афганистов, которые недавно ушли из жизни, то наибольшая потеря для нас — это уход **Виктора Григорьевича Коргуна**, более десяти лет возглавлявшего сектор Афганистана. Он пользовался большой любовью коллег, хорошо знал Афганистан, лю-

Мавзолей суфия Дата Гандж Бахша в Лахоре (открытка)

Из личного архива В. Я. Белокреницкого

Mausoleum of Syed Ali Bin Usman Hajveri (also known as Data Ganj Bakhsh), Lahore, Pakistan (a postcard)

Photo from the author's personal archive

бил эту страну и много о ней написал, в частности, «Историю Афганистана. XX век» [Коргун, 2004]. Раньше я уже называл его имя, но Виктора стоит вспомнить еще раз: с ним мне в мае 1988 года довелось провести несколько дней в Афганистане. Делегацию нашу возглавлял тогда виднейший археолог и блестящий историк **Борис Анатольевич Литвинский**²⁰. Вот, если говорить о коллегах, то, пожалуй, и все, хотя я упомянул тех, кого уже нет в живых, и не стал рассказывать о живущих.

ПАКИСТАНОВЕДЕНИЕ: МИРОВОЕ И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ

— **ДД:** Вячеслав Яковлевич, хотелось задать несколько вопросов, которые, возможно, вообще не вполне правомерны в отношении вашей сфе-

ры занятий. Например, причисляете ли вы себя к какой-нибудь школе? Интересно, существуют ли, в принципе, школы в пакистановедении?

— **ВБ:** Нет, в нашем пакистановедении есть только одна школа, это школа Ганковского, и я конечно причисляю себя к ней. Вообще, понятие «школа» многообразно, есть школы по методу, теоретическим подходам, методологии, а есть по объекту исследования, и именно в последнем смысле можно говорить о школе Ганковского. Он, заметьте, не первый начал заниматься Пакистаном, первой, наверное, была **Людмила Рафаиловна Гордон-Полонская**²¹, которая еще в 1950-х годах занималась историей и экономикой Пакистана. Вместе с Ганковским они написали книгу «История Пакистана» [Ганковский, Гордон-Полонская, 1961], переведенную на английский язык и выпущенную

20 Борис Анатольевич Литвинский (1923–2010) — выдающийся советский и российский историк-востоковед, специалист по древним цивилизациям Евразии, археолог, д-р ист. наук (1970), академик АН Таджикской ССР (1985), основатель научной школы археологии в Таджикистане, лауреат ордена «Шараф» (2009). — *Ред.*

21 Людмила Рафаиловна Гордон-Полонская (1922–1996) — советский и российский историк-востоковед, индолог, д-р ист. наук, профессор (1883–1951). — *Ред.*

нашим издательством для распространения за рубежом.

Занимался Пакистаном и наш ведущий индолог **Алексей Михайлович Дьяков**²². Дьяков был одним из основателей советской индологии, одно время он возглавлял сектор Пакистана в отделе Индии, в 1964-м его сменил Ю. В. Ганковский. Людмила Рафаиловна стала заниматься общими проблемами исламского движения, исламской идеологии, написала монографию «Мусульманские движения в Индии и Пакистане» [Гордон-Полонская, 1963]. А Пакистан, как объект исследования, поставил в центр внимания именно Юрий Владимирович, и его заслуга в том, что он создал коллектив исследователей, занимавшихся преимущественно Пакистаном. О многих из них я уже рассказал. Кроме меня, работает в Центре Наталья Алексеевна Замараева, его ученица, и ученица, пусть и не в строгом смысле, В. Н. Москаленко, Ирина Николаевна Серенко. К сожалению, рано ушла на пенсию талантливый экономист-аграрник Марина Юрьевна Морозова, работает в Отделе экономических исследований принадлежащая к школе Людмила Борисовна Аристова.

— **ДД**: А что вы могли бы сказать о мировом пакистановедении?

— **ВБ**: Это очень хороший вопрос, спасибо за него. Пакистан возник в 1947 году, и после этого появилась первая литература о Пакистане. На мой взгляд, она существует на сегодня в огромных размерах: издано необъятное количество книг, статей, эссе и т. п.

На первых порах о Пакистане писали иностранцы, прежде всего, конечно, колонизаторы, англичане, и был такой **Ричард Саймондс**, еще в 1950 году издавший книгу под названием “The Making of Pakistan” [Symonds, 1950]. Многие из

того, что он написал тогда, не устарело до сих пор, и повторяется на разные лады. Например, то, что в 1937 году Индийский национальный конгресс (ИНК) оттолкнул Мусульманскую лигу, после того как она потерпела поражение на выборах. На первых широких выборах — не полных, не всеобщих, а более расширенных, 15 % процентов населения по определенным цензам получили право голоса на выборах в провинциальные законодательные собрания. В восьми из одиннадцати провинций победил Национальный конгресс, а Мусульманская лига (Всеиндийская мусульманская лига) не победила ни в одной. Казалось, пришел конец и **М. А. Джинне**²³, который стоял во главе Лиги, и ей самой. На деле же поражение оказалось прологом победы, потому что ИНК переоценил свои силы и не допустил Мусульманскую лигу до участия в управлении ключевой провинции на севере Индии вместе с собой, а если бы он это сделал, как писал Саймондс, то, **может быть, они нашли бы общий язык, и дело не дошло бы до раскола Индии.**

Так или иначе, о Пакистане сначала писали англичане, а где-то с середины 1950-х и особенно с конца 1950-х, после военного переворота 1958 года, когда к власти пришел генерал Айюб Хан²⁴, стали писать американцы и канадцы. Начали писать сами пакистанцы и индийцы. В общем, формировалась литература, но она была относительно небольшой. Советская литература о Пакистане была частью мирового историографического процесса, на первых порах достаточно заметной.

Мне пакистанцы, такие, как покойный уже политолог Первез Чима, говорили: **«Вы когда-то были у нас на первом плане, а потом куда-то ушли»**. Говорил с сожалением. Но это, дейст-

22 Алексей Михайлович Дьяков (1896–1974) — советский индолог, д-р ист. наук (1947), профессор (1950), заслуженный деятель науки РСФСР (1967). — *Ред.*

23 Мухаммад Али Джинна (1876–1948) — первый генерал-губернатор Пакистана, юрист по профессии, политик, считающийся отцом-основателем Пакистана. Один из инициаторов и «виновников» раздела Британской Индии в ходе предоставления крупнейшей английской колонии независимости. — *Ред.*

24 Мухаммад Айюб Хан (*Ayub Khan*, محمد ايوب خان; 1907–1974) — пакистанский государственный и политический деятель, главнокомандующий вооруженными силами и президент Пакистана (1958–1969). — *Ред.*

вительно, так, потому что книги по политике, конституциям, национальному вопросу, национальным движениям были в Пакистане популярны и востребованы, причем не только местными марксистами, членами Компартии, но и обычными исследователями. В 50-х годах они писались, когда не было интернета, по материалам газет, некоторые из которых поступали в библиотеку нашего института не менее быстро, чем в Америку и Англию. Поэтому ссылки на них делали не всегда из-за того, что они «писали по-советски», а просто с целью проверить факты.

— **ДД:** Вячеслав Яковлевич, мы, кажется, с мировой вновь перешли на отечественную литературу.

— **ВБ:** Да, это потому что интересно сопоставить уровень знаний, влияние через науку на общественные процессы. В первый советский послевоенный период наша наука о Востоке была сопоставима по количеству и качеству с западной. Если обратиться к Пакистану, то по экономике тогда писал **Виктор Георгиевич Растянников**²⁵, виднейший впоследствии индолог, специалист по аграрным проблемам, Зеленой революции в развивающихся странах, фигура очень значительная и «раскрученная», во многом, благодаря его вдове ныне ведущему аграрнику-экономисту института **Ирине Владимировне Дерюгиной**. Писал об экономике **Станислав Алексеевич Кузьмин**, перешедший в начале шестидесятых в Центральный экономико-математический институт. В. Г. Растянников получил известность, главным образом, как экономист-индолог, но начинал он с Пакистана, точнее говоря, с Панджаба. В 1954 году защитил кандидатскую диссертацию в двух томах, используя то, что англичане сделали в ходе исследований деревень этой провинции.

Знаете, в наших студиях очень важно иметь основу, базу, нельзя сделать что-то, не имея

источниковой базы, а англичане, в частности, панджабская школа британских администраторов, любила записывать, документировать, проводить обследования деревень. В 1958 году Растянников вместе с С. А. Кузьминым опубликовал книгу «Проблемы экономики Пакистана» [Растянников, Кузьмин, 1958] — одну из первых экономических работ по Пакистану. Но были работы по внешней торговле и некоторым другим аспектам пакистанской экономики.

Кстати, одна из первых библиографий отечественных работ была выпущена под редакцией Ю. В. Ганковского в конце 1960-х годов. Трудов было много, издательство «Прогресс» в Москве переводило наши книги на английский и распространяло в Пакистане, Индии и в других развивающихся странах. А в них самих действовали левые силы, левые движения и левые издательства. Когда в 1974–1977 годах я был в Пакистане, то встречался по долгу службы с Рауфом Маликом²⁶, руководителем издательства *Peoples Publishing House* в Лахоре. Он переиздавал наши книги, в частности, “Peoples of Pakistan”.

— **ДД:** “Peoples” — это как у Ганковского, да?

— **ВБ:** Да, это и есть книга Ю. В. Ганковского, она была очень популярна среди части интеллигенции, но и отталкивала многих, потому что исходила из того, что в Пакистане не один народ, а несколько. В то время велась подлинная борьба за умы пакистанской интеллигенции. Она знала имена Ганковского, Гордон-Полонской, Степанянц... Кстати, **Мариэтта Тиграновна Степанянц**, ставшая у нас главным специалистом по философии мусульманских стран, и до сих пор работающая в Институте философии РАН, выпустила в Москве скромно изданную книжку «Философия и социология в Пакистане» [Степанянц, 1967]. В Пакистане, в переводе на английский, книга была хорошо издана и стала одной из популярных.

25 Виктор Георгиевич Растянников (1928–2015), д-р экон. наук, профессор, специалист по истории и экономике Ближнего и Среднего Востока. — *Ред.*

26 Абдур Рауф Малик (1926–2021) — владелец и издатель пакистанского издательства Peoples Publishing House, признанный прогрессивный издатель и просветитель. — *Ред.*

Выступление вице-консула на митинге в Бахавалнагаре (Пакистан) в ноябре 1974 г.
Из личного архива В. Я. Белокреницкого
Vice Consul's speech at a rally in Bahawalnagar (Pakistan), November 1974
Photo from the author's personal archive

ЗАМЕТКИ ОБ ИНДИИ И ПАКИСТАНЕ

— **ДД:** Вячеслав Яковлевич, хотелось бы спросить вас о вашей личной исследовательской тематике.

— **ВБ:** О ней я уже отчасти говорил — мелкая промышленность, урбанизация, капитализм, социально-экономическое и социально-политическое развитие... Я, кстати говоря, чем дальше, тем более критично отношусь к странам, которые изучаю. Наверное, это плохое свойство, но это результат впечатлений от посещения стран и ознакомления с публикациями. В Пакистане я провел в общей сложности более трех лет. После 70-х годов, был в конце 1980-х и в середине 90-х (оба раза вместе с В. Н. Москаленко), потом уже один в 2000 и 2003 годах, и последний раз вместе с С. Н. Каменевым в 2013 г. Видел страну в разное время, хотя, видимо, под одним и тем же углом зрения. Так вот, для Пакистана, наверное, особенно подходит образное выражение «рост без развития». Это, конечно, оксюморон,

поскольку не бывает роста без развития и развития без роста, но бывает более экстенсивное и более интенсивное развитие, как экономики, так и социальной сферы или, как иногда говорят сейчас, **экслюзивная и инклюзивная эволюция**. Так вот, для Пакистана характерно по преимуществу расширение, а не преобразование, и остается актуальным вопрос о том, возможна ли глубокая трансформация общества в принципе.

Кстати, в 2013 году мы ездили на литературный фестиваль в Карачи, где представлялась, в частности, выпущенная широко известным издательством *Oxford University Press* (отделением в Карачи), **написанная совместно мной и Владимиром Николаевичем Москаленко книга «A Political Development of Pakistan. 1947–2007»**. В основном это перевод нашей монографии «История Пакистана. XX век», вышедшей в 2008 г. Так вот, на презентации меня спросили из зала, что я думаю о самой идее Пакистана, удачной ли она была? Пришлось отвечать, что идея была удачной, а развитие Пакистана — это история успеха. Но интересна сама постановка вопроса.

**Верблюжья повозка
в г. Карачи (открытка)**

Из личного архива
В. Я. Белокреницкого
Camel cart, Karachi
(a postcard)

Photo from the author's
personal archive

Что касается Индии, то современная Индия мне мало известна. Первый раз я был в Индии студентом, видел ее тогда спустя 15 лет после того, как она получила независимость. Это была еще полуколониальная страна, очень бедная, слаборазвитая, с комплексом преклонения перед колонизаторами. В число трех студентов-историков, которые остались в Дели, был Саша Шаповалов. Он был маленького роста, худой, очень радовался, когда индийцы уступали ему дорогу на улице. Для них любой белый человек был господином, сахибом.

Представляете, мы приезжаем в Бомбей в 1963 году. Консулом там был В. П. Якунин, потом посол в Пакистане, и он нам говорит: вы приезжаете в момент, когда плавательный бассейн в фешенебельном районе города в последний раз работает в режиме «только для белых». Сознание индийцев того поколения было очень колониально зависимым.

Индия в период моего следующего посещения, в 80-х годах, оставляла впечатление отсталой страны по сравнению с Советским Союзом того периода. И сознание индийцев менялось медленно. Помню, в Бомбейском университете я выступал с докладом об урбанизации в Индии. Тема моя была связана с работой в Группе

по демографии, которую возглавлял в нашем Институте **Ярополк Николаевич Гузеватый**, известный демограф, участник войны, много знающий и творчески мыслящий человек. Эта группа, кстати, была одной из так называемых «вертикальных», созданных после прихода директором Е. М. Примакова и объединявших сотрудников различных отделов, т. е., по-иному, межотдельская группа. Я очень многим обязан работе в этой группе, из ее участников остались в Институте только двое, помимо меня, еще заведующий Отделом экономических исследований Александр Владимирович Акимов.

Так вот, возвращаясь к Бомбею, помню, что мои индийские слушатели не согласились с термином псевдоурбанизация, или ложная урбанизация, которым мы в то время активно пользовались. Недовольство они выражали негромко, понимая, что у меня тогда были основания считать урбанизацию в Индии особым явлением — и напоминающем мировые образцы, и не напоминающем, поскольку города разрастались за счет трущоб и кварталов для бездомной бедноты.

Последний раз в Индии я был в начале 2003 г., и Дели был еще узнаваем. Это была знакомая Индия, может быть, уже более продвинутая впе-

ред. Современная Индия, говорят, сильно изменилась, но не думаю, что она переменялась кардинально. Мешает груз огромного населения, разнообразие условий жизни в продвинутых и отстающих регионах. Опасным фактором, по всей видимости, является торжествующая ныне в ней индуистская идеология, хиндутва. Она может стать в будущем причиной внутренних раздоров и расколов, дальнейшего ужесточения не только внутренней, но и внешней политики страны.

Относительно Пакистана можно сказать, что он развивался до 1990-х годов, как и Индия, но с существенным отличием — с более сильным сохранением на значительной территории порядков, которые напоминают феодальные, азиатско-феодальные, где главным ресурсом является владение землей и власть над населением, которое землей не владеет. Такая ситуация приводит к расцвету клановой и кланово-племенной системы социальной жизни. В нынешнем столетии проблемы Пакистана не убавились, как в Индии, или в бывшей до 1971 года восточной провинции Пакистана, которая стала отдельным государством, Бангладеш, а возросли.

За время независимости население Пакистана росло поразительно быстро. В Индии, как известно, рост населения тоже быстрый, но замедляющийся, хотя оно все равно скоро обгонит или уже обогнало население Китая, выйдя на первое место в мире. А Пакистан... Представьте себе, в Западном Пакистане, то есть в нынешнем Пакистане, первая перепись 1951 г. фиксирует 34 миллиона человек, а сейчас 225–230 миллионов. Это практически рекорд! Рост примерно в семь раз за относительно небольшой промежуток времени в 75 лет.

Рискуя повториться, скажу, что Пакистан остался, на мой взгляд, во многом таким же, каким был, расширенным, не изменившимся по сути. Конечно, в стране более развита инфраструктура, изменились крупные города, очень хорошо живет высший класс: его представители купаются в роскоши, у них много золота, много земли и другого недвижимого имущества, но

бедность на другом конце социальной лестницы при этом растет. **Выход у недовольного своим положением населения один — бежать за границу, они и бегут.** Пакистанское население, как и индийское и бангладешское, «выплескивается» из территориальных границ. С 1970-х годов начался процесс массовой миграции. Мусульмане очень любят уезжать в Англию. Брэдфорд и некоторые другие города — это мусульманский и южноазиатский мир.

— **ДД:** Их принимают там как жителей бывшей колонии?

— **ВБ:** Бывшая метрополия и такие страны, как США, их принимают в соответствии со своим законодательством, а мигранты едут обычно к родственникам и знакомым, многие молодые люди для получения образования, потом ищут работу и нередко находят. Часть богатых на родине уезжает в поисках применения своим талантам и богатствам. Вы же знаете, что люди из бывших колоний и зависимых стран становятся ныне (особенно в самое последнее время) руководителями государств, которые когда-то были центрами колониальных империй — премьер-министр Великобритании Риши Сунак — индеец, через родственные связи он близок к премьер-министру Индии Нарендре Моди, Садык Хан, мэр Лондона — пакистанец из Панджаба.

Но это верх айсберга, а в его подводной части миллионы борющихся за существование людей. Они спасаются из того же Пакистана — за последний год политического кризиса из этой страны, по некоторым сведениям, уехал миллион, а может быть и миллионы людей. Недавно мы беседовали с давним нашим знакомым пакистанцем, выпускником РУДН, кандидатом наук. Он говорил, что средний класс страдает от фрустрации — от разочарования, безысходности, цены бешено растут, работы нет, учиться негде. По опросам, 40 % молодежи хочет уехать.

— **ДД:** Вы говорите как ученый и все это ужасно интересно, но как-то мало в этом романтики... Вот один наш коллега признался, что в детстве прочитал «Туманность Андромеды»

Ивана Ефремова, кто-то увлекается индийским кинематографом и влюбляется в Индию. Может быть, у вас было такое?

— **ВБ:** Ефремова я читал скорее в юности, чем в детстве и индийское кино смотрел тогда же. Относительно индийского кино особых иллюзий по поводу того, что позднее назвали «Болливудом», т. е. бомбейским Голливудом, не испытывал.

— **ДД:** А как же Радж Капур?

— **ВБ:** «Авара хун, авара хун», — могу сказать, что это «Бродяга»²⁷. И «Господин 420» (*Шри чарсао бис*)²⁸, тогда это было мило, но меня особенно не увлекало.

— **ДД:** Может, Редьярд Киплинг?

— **ВБ:** Киплинг мне более интересен, но и к нему я обратился позже, уже занимаясь колониальным временем, для уточнения некоторых сторон жизни тогдашней Индии.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЗАПОВЕДНОМУ СИНДУ

— **ДД:** Для меня, знаете, это какая-то загадка: Киплинг — колонизатор, а так влюбился в эту цивилизацию, описал ее лучше, чем многие местные авторы.

— **ВБ:** Англичане некоторым образом романтизировали места, где побывали или жили, причем задолго до Киплинга. Так, Александр Бёрнс²⁹, потомок знаменитого шотландского поэта Роберта Бёрнса, написал в 1830-х гг. о своих путешествиях по долине Инда и о визите в Бухару. Его книги и сочинения других англичан той же профессии, путешествующих агентов-разведчиков, были у них на родине весьма популярны. Они все тщательно записывали, но не только для истории, а для того, чтобы под-

готовить почву для будущего расширения колониальных владений. Александр Бёрнс, между прочим, погиб молодым человеком в Кабуле в 1842 году, вместе почти со всеми другими англичанами, пытавшимися уйти из Афганистана после почти четырех лет, на протяжении которых они поддерживали власть Шаха Шуджи, привезенного ими из Индии. Англичане очень любили описывать увиденное на северо-западе Индии и в Афганистане. Наш ведущий историк-экономист Убайд Вафабекович Окимбеков, опираясь во многом на их сведения, подготовил интересную монографию о социально-экономическом развитии Афганистана.

Когда я ездил по Синду — одной из самых заповедных частей Пакистана, я часто вспоминал впечатления англичан о тех же местах и удивлялся, как мало изменилось за полтора столетия, только мечетей стало несравнимо больше. Кстати, мои поездки по югу Пакистана во время работы в Карачи в первой половине 1970-х, объясняются вполне прозаическими причинами. В конце каждого года руководитель карачинского отделения АПН вставал перед проблемой, как сохранить в бюджете выделяемую центральным офисом сумму для поездок по стране, а потому он охотно отпускал меня, даже подталкивал к этим поездкам.

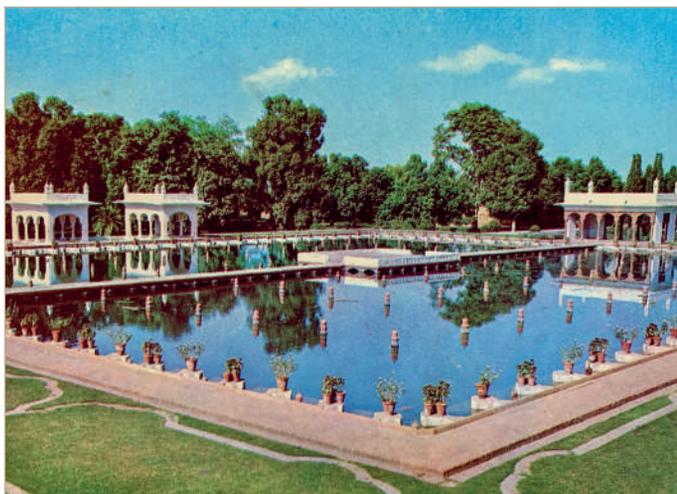
— **ДД:** «Освоить бюджет»?

— **ВБ:** Да, была такая интермедия у Аркадия Райкина. Он в роле завсклада командует в конце года — купим, мол, рояль, а подчиненные вопрошают — зачем? А он — как зачем? Картошку хранить будем. Так и с моими командировками: толку от них для нашего дела было немного, но деньги не пропадали, а мне как пакистановеду было интересно. Дважды или трижды я ездил по глубинке, побывал в отдаленных местах.

27 «Бродяга» (अवारा, *Awara*) — индийская драма, снятая в 1951 г. Раджем Капуром, исполнившим главную роль в фильме. Сочетает социальные и реформистские темы с жанрами криминального фильма, романтической комедии и музыкальной мелодрамы. — *Ред.*

28 «Господин 420» (श्री 420, *Shree 420*) — индийская романтическая драма режиссера Раджа Капура, вышедшая в 1955 году. Состоит из двух частей, первая из которых содержит элементы комедии.

29 Сэр Александр Бёрнс (Sir Alexander Burnes; 1805–1841), шотландский путешественник, офицер и дипломат, участник «Большой игры». Имел прозвище «Бухара Бёрнс» (*Bokhara Burnes*) за исследования Бухары; его мемуары «Путешествия в Бухару» (*Travels into Bokhara*), опубликованные в 1835 г., стали бестселлером. — *Ред.*

Сады Шалимара, Лахор

(открытка)

Из личного архива

В. Я. Белокреницкого

**A part of Shalimar Garden,
Lahore, Pakistan**

(a postcard)

Photo from the author's
personal archive

Выступал на урду на митинге в Бахавалнагаре (недалеко от границы с Индией) на мероприятии, посвященном годовщине Октябрьской революции. Язык я знал плохо, но пакистанцы сделали вид, что понимают. Говорить я мог бы и на английском, но на урду было демократичнее, а советский дипломат (у меня был дипломатический паспорт) должен был быть именно таким.

Курили они беспощадно. Помню, спать не удалось: всю ночь они прокурили. Это была местная интеллигенция, в основном, студенты, клерки, адвокаты. Видел и другие совершенно захолустные городки с крайне чем-то возбужденным мужским населением, женщин вообще не было видно, сидели дома, за четырьмя стенами (*чар дивар*). Вспоминается, как утром мы въезжаем в довольно крупный город Суккур, он стоит на Инде, — вид удивительный, все заполнено мужчинами в белом...

— ДД: Как в мечте Остапа Бендера, который стремился в Рио-де-Жанейро, где все мужчины в белых штанах?

— ВБ: Да-да, именно. В крупных городах женщин на улице довольно много, но в небольших почти не видно, их можно увидеть во время посещения гробниц святых. Это либо паломничество с детьми, либо с мольбами о детях. В Сехване, городе в Синде, где расположена гробница Лал Шехбаз Каландара, святого

XIII века, суфия, одного из тех, кто обратил в ислам местное население, было много красочно одетых женщин. Пакистан, между прочим, — хорошее место для путешествий: там было и осталось до сих пор много заповедных мест, сохранивших атмосферу органичного Востока. Таких стран заповедного типа на современном Востоке, по-видимому, не так много. Но для путешествий Пакистан все еще очень опасен. В 70-е годы прошлого века ситуация была иной, хотя и тогда было не совсем безопасно.

Кажется, в 1975 году я направлялся на машине из Карачи в Лахор (это второй по величине и значению город страны, столица главной провинции Панджаб). И вот по дороге, в северном Синде, нас остановил большой джип, японский *Rajero*, полный вооруженных людей. Меня вез водитель-пуштун — так у него руки задрожали и голос сел. Предводитель этой команды спросил, кто мы такие. Дрожащим голосом водитель и журналист из нашего офиса АПН объяснили, что я из советского посольства. Он походил, посмотрел и уехал. Когда мы продолжили путь, мне объяснили, что мы подвергались серьезнейшей опасности, потому что *вадеро*, вожди синдских кланов, — абсолютные хозяева на своей территории. Никакая полиция, никакие дипломатические паспорта для них значения не имеют. В Пакистане они на-

зываются *дакойтами* (грабителями, как в колониальное время). Вадеро бывают настоящими бандитами и вымогателями, власть в государстве уже тогда, а сейчас еще больше, далеко не безгранична. Крупное землевладение ликвидировать государству не удалось, а синдский землевладелец — это помещик и господин, который со своими крестьянами может делать все, что захочет.

Совсем недавно в крупнейшей газете *Dawn*³⁰ опубликован рассказ о том, как молодой выходец из кланов племенного района Кхандкот, получив степень доктора наук во Франции за исследования в области искусственного интеллекта, был зверски убит за попытку начать занятия с местной молодежью. Вот такой парадокс — ИИ и средневековый порядок, нарушать который заинтересованные в нем блюстители не дают. Сегодня, конечно, есть изменения по сравнению с колониальными и первыми постколониальными временами, постепенно сознание крестьянской массы меняется — если люди недовольны, они убегают. Крепостничества в том виде, в каком оно существовало в России, в Пакистане нет. Был проведен, к тому же, ряд реформ, но устройства жизни на больших пространствах сельского Пакистана реформы не затронули. Не только реформы, но даже и стихийные бедствия, такие, как разрушительные наводнения (последние, небывалой силы, случились в 2010-м и в прошлом году) дают возможность желающим найти какой-то выход и переехать. Но многие предпочитают оставаться на месте, потому что это все-таки гарантирует пропитание и безопасность, многих страшит неизвестность, распространен фатализм. Пусть будет так, как угодно Аллаху. Кстати, **по индексу счастья** (есть и такой среди многих индексов, изобретенных для межстрановых сравнений) **Пакистан обгоняет Индию** и остается чуть ли не первой страной в своем регионе. Пакистанцы отличаются еще и тем, что очень любят детей.

30 *Dawn* («Доон») — пакистанская англоязычная газета, основанная в Британской Индии в 1941 г. Крупнейшая газета в Пакистане. — *Ред.*

Немного о социологии и демографии

— **ДД:** Вячеслав Яковлевич, а как ислам относится к контролю над рождаемостью?

— **ВБ:** Нормально относится.

— **ДД:** Не так, как в католицизме? Хочешь предохраняться — предохраняйся?

— **ВБ:** Да, абсолютно спокойно. Более того, ограничение рождаемости государством поощряется, но больших результатов, как я говорил раньше, это не дает. Я занимаюсь демографией исламского мира и изучал вопрос, почему мусульманское население так быстро выросло. Вот представьте себе, мусульманское население в середине прошлого столетия составляло по оценкам 300–350 миллионов. Затем, оно стало быстро увеличиваться и к концу века достигло 800–900 миллионов, затем перевалило за миллиард, а сегодня оценивается в 1 600 миллионов человек. В начале XX века население мусульманского мира составляло десятую долю, в середине третью часть, а теперь примерно 25 %. То есть каждый четвертый житель планеты — мусульманин. Спрашивается, за счет чего? Ответ не в том, что они запрещают или ограничивают контроль над рождаемостью, а в том, что ислам поощряет большую семью. Первое в исламе — семья, всеобщий охват браком. Второе — предпочтение мальчиков. Если рождается девочка, то семья на этом не успокоится, причем для матери рождение сына означает не меньше, чем для отца. Если в семье трое девочек, то ждут четвертого ребенка. В деревнях, к тому же, чем больше детей, тем лучше, чем крупнее семья и крупнее большой семейный клан, тем условия существования обычно лучше. Я считаю, что государство зависит от общества, а не наоборот, специфика государств меньше, чем специфика обществ. Пакистанское, как и другое общество, проецирует свое представление на государство, определяет в значительной степени, как распре-

деляется власть в стране. В обществе распространена власть старшего над младшим — отца над сыном, старшего брата над младшим, брата над сестрой.

Сейчас во внешне изменившейся форме сохраняется, как правило, прежнее старое содержание. Мария Владимировна Хайцева, соискатель нашего Института, провела в Карачи несколько месяцев, и написала, основываясь отчасти на наблюдениях, как организованы семьи. У каждого члена семьи своя роль: даже живя отдельно, они все равно помогают друг другу, следуя определенным неписаным правилам. А вот, как «общественное» опрокидывается на государственное: нынешний премьер-министр Пакистана Шахбаз Шариф³¹, младший брат главы партии, которая стоит во главе коалиционного правительства. Так вот, старший брат, лидер партии Наваз, из Лондона руководит действиями младшего брата и, следовательно, правительства. **Если в Индии кастовая система, то в Пакистане — клановая, семейно-клановая.**

— ДД: А каковы характерные черты этой системы и к каким последствиям она ведет?

— ВБ: Эта система имеет как хорошую, так и плохую стороны, поскольку клановость ведет к nepотизму, семейственности, коррупции, лишает индивидуальной инициативы. **Коррупция, олигархия — человеческое общество везде далеко от идеала.** В исламском обществе коррупционно-олигархическая модель развития пустила глубокие корни, что, конечно же, негативно сказывается на развитии экономики. Пакистанские авторы сами пишут — элита захватила власть в государстве. В настоящее время, как и на протяжении более года, разные кланы элиты грызутся совершенно диким образом, ведут дело к очень серьезным последствиям. Могу дать свой небольшой прогноз: Пакистану предстоит очень нелегкий путь, может даже встать вопрос о расколе государства. Восточная Бенгалия отделилась в 1971 году. Когда она от-

делилась, пакистанские верхи сразу столкнулись с сепаратизмом в Белуджистане и в пуштунских районах. Сейчас в Пакистане живет в два с половиной раза больше пуштунов, чем в Афганистане. Две страны связаны между собой как сиамские близнецы, а операция по разделению сиамских близнецов очень сложна. Не только эти, но и другие сепаратизмы угрожают Пакистану. Останется ли эта страна единой — вопрос, который может возникнуть в повестке дня мировой политики.

То, во что «впадает» сейчас эта часть мира, — имплозия (взрыв, направленный вовнутрь). В талибском Афганистане наблюдается имплозия: он взрывается изнутри, его не признают, власть вынуждена считаться с нищетой и бесправием, женское население полностью лишено прав, мужское не знает, что дальше делать... Страна находится на распутье. Ее «токсичный» материал выплескивается в Пакистан. Очень нелегкая ситуация и в других странах Среднего Востока, в Иране, в курдских районах Сирии, Турции, Ирака, да и на Ближнем Востоке, в Йемене, например, в Северной Африке и Африке южнее Сахары, где тоже хватает конфликтов. Мы являемся свидетелями процесса, который может достичь в недалеком будущем точки кипения. И если говорить о том, чем я собираюсь заниматься, то это изучение роли Пакистана в геополитике и геэкономике, ну и, конечно, судьбой самого Пакистана и региона Афганистан-Пакистан (Аф-Пак). Историческую же тему о городах и населении долины Инда, скорее всего, отложу до лучших времен.

— ДД: Еще коротенький вопрос. Он мне очень нравится, и между прочим, привел в некоторое замешательство Леонида Борисовича Алаева [Дубровская, Столяров, 2022, с. 38]. Есть ли у вас свое научное кредо, девиз, слова, которые были бы вам близки?

— ВБ: Нет, абсолютно. И понимаю, почему Леонид Борисович увидел в этом проблему.

31 Миан Мухаммад Шахбаз Шариф (ميان محمد شهباز شريف; род. в 1951 г.) — пакистанский государственный и политический деятель. Премьер-министр Пакистана с 11 апреля 2022 г. Бывший главный министр провинции Пенджаб. Младший брат политика Наваза Шарифа. — *Ред.*

О научном кредо я не говорю, но мне всегда нравилась строчка из первой главы книги Екклесиаста: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь».

— **ДД:** Как пессимистично для нашей области...

— **ВБ:** Как раз совершенно точно: чем больше изучаешь, тем меньше надежд на здешнюю мудрость и меньше поводов для представлений о ценности знаний. Хотя и без знаний печалей не меньше.

От МГИМО до университета Хосэй

— **ДД:** Вячеслав Яковлевич, знаю, что вы преподавали в МГИМО. Не могли бы вы рассказать об основных впечатлениях?

— **ВБ:** С удовольствием! Я проработал в МГИМО 22 года. Преподавать там мне нравилось, считаю, что кафедра востоковедения, особенно, когда ее возглавлял **Алексей Дмитриевич Воскресенский**, была очень сильной. И остается такой и сегодня при Дмитрие Викторовиче Стрельцове. Со мной преподавали замечательные специалисты, многие были совместителями, сотрудниками, в частности, нашего Института, например, Л. Б. Алаев, И. Д. Звягельская, Э. В. Молодякова. На кафедре экономики вплоть до недавнего времени работала Нина Михайловна Мамедова, наш ведущий иранист. Жаль, что здание МГИМО находится далеко от центра Москвы и добираться до него было не очень удобно... Некоторое время в начале 2000-х годов я работал в МГУ на новом тогда Факультете мировой политики, куда меня пригласил Виталий Вячеславович Наумкин, возглавляющий и поныне одну из кафедр. Меня сменила в качестве преподавателя на факультете ведущий индолог **Татьяна Львовна Шаумян**, давний добрый друг и коллега, соавтор ряда трудов (см., например, [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2003]).

Востоковеды МГИМО выпускали высокого качества учебные пособия, сочетавшие науч-

ную достоверность и практическую значимость. У меня там был курс, расширяющий мои возможности: пришел я туда как специалист по Пакистану, а вести мне дали внешнюю политику Индии и всей Южной Азии. Помимо этого, я читал общий курс по истории международных отношений на Востоке. Начал я его читать в Восточном университете, который как частный ВУЗ был учрежден Институтом востоковедения РАН в 1994 г. С того года лет пятнадцать я читал там сначала курс Международные отношения, а потом спецкурс «Восток в международных отношениях и мировой политике». Благодарен ректору ВУ Нелли Михайловне Хрящевой за поддержку моего начинания и издание курса лекций, которые позволили читать почти такой же курс в МГИМО.

Интерес к международным отношениям возник у меня в 9–10 классах школы. У отца была «История дипломатии» в двух томах, изданная в 1941 г. под редакцией В. П. Потемкина. Знакомился я с ней тогда и впоследствии с большим интересом. Последняя моя статья написана как раз в русле истории дипломатии, международной политики, а посвящена политике России на Среднем Востоке, так что этот интерес я пронес через всю жизнь со школьной скамьи.

— **ДД:** А не могли бы вы рассказать основное содержание этой статьи?

— **ВБ:** Спасибо за вопрос. Если коротко о существенном, то для понимания современной ситуации я рассматриваю весь период политики России, государства с разными геополитическими очертаниями и внутривнутриполитическими особенностями со второй половины XIX века по нынешнее время как **эпоху, распадающуюся на 40-летние интервалы**. С 1860-х по 1900-е годы наблюдалась экспансия, до 1940-х годов — консолидация, в 1940–1980-е годы — новый период экспансии, который завершился неудачей в Афганистане и предшествовал развалу СССР, 1980-е–2020-е годы — очередной период консолидации, после которой должна начаться эра экспансии. Правда, какой она будет, сказать трудно [Белокреницкий, 2023].

В гостях у профессора Хафиза Малика. Вилланова, штат Пенсильвания, США, 2001 г.
Из личного архива В. Я. Белокреницкого
Visiting Professor Hafiz Malik. Villanova, Pennsylvania, USA, 2001
Photo from the author's personal archive

Кстати, эта статья появится в очередном, 13 по счету, сборнике из серии, которую мы начали издавать в 2001 г. на тему «Ислам и политика на Ближнем и Среднем Востоке». Почти 25 лет мы раз в два года проводим большие конференции с участием коллег из Института, других учебных и академических учреждений из России и из-за рубежа и выпускаем тематические сборники по этой широкой и актуальной проблематике. Серию я считаю достижением нашего Центра. Огромную помощь в работе над ней мне оказала и оказывает руководитель нашего турецкого направления **Наталья Юрьевна Ульченко**³², которая совмещает работу у нас и заведывание кафедрой в ИСАА.

— **ДД.:** Спасибо, Вячеслав Яковлевич! Возвращаясь же к преподаванию, скажите пожалуйста, как вы относитесь к нововведениям в преподавании в высшей школе, к Болонской системе, например?

— **ВБ:** К нововведениям я отношусь спокойно. Болонская система в целом нам подходит,

поскольку позволяет интегрировать нашу систему образования с общемировой.

— **ДД:** А не могли бы вы рассказать немного о вашем опыте преподавания за рубежом?

— **ВБ:** Что касается преподавания в Америке, то оно было сложным. Я читал, во-первых, не свой курс, а внешнюю политику СССР. Казус, кстати, состоял в том, что я приехал преподавать этот курс в январе 1992 года, когда Советского Союза уже не было и пришлось его переименовать во «внешнюю политику бывшего СССР». Но так как все это происходило по свежим следам, то интерес к курсу сохранялся. Я уже говорил раньше об университете Вилланова, о Хафизе Малике и Ю. В. Ганковском, после которого Малик меня и пригласил. Студенты-бакалавры были дисциплинированы, красивые мальчики и девочки — поскольку университет частный, католический, студенты в основном итальянского и ирландского происхождения. Они задавали немного вопросов, напоминая наших студентов.

32 Наталья Юрьевна Ульченко — доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, турколог, член редакционной коллегии журнала «Восточная аналитика». — *Ред.*

Известный тогда профессор Элвин Рубинштейн, автор полутора десятков книг, пригласил меня как-то в престижный университет Филадельфии. Там у него занимались другие ребята, которые старались задавать вопросы, и система преподавания поощряла к активности. Думаю, это правильно, хотя иногда она ведет к самолюбованию и верхоглядству. В США, несмотря мой опыт общения и даже сочинения профессиональных текстов на английском, знание языка меня немного сдерживало, особенно понимание студентов — иногда приходилось переспрашивать, что именно они хотят выяснить.

Зато в Японии, куда я приехал в университет Хосэй в 1993 году, я столкнулся с другой проблемой плохого понимания японскими студентами английского языка. В университет меня пригласил очень симпатичный профессор Юдзи Судзуки, который меня всячески поддерживал и даже приглашал остаться. А я ответил: «Ну, как же я без знания японского языка буду у вас до пенсии преподавать?».

— ДД: Выучили бы язык в процессе! (Смех.)

— ВВ: Нет-нет. Его приглашение было, уверен, данью вежливости. К тому же жизнь в Японии показалась мне скучноватой, хотя японские студенты были любознательны и прилежны... В общем, от периода преподавания за рубежом у меня остались хорошие впечатления. Однако наши студенты ничуть не хуже.

Что касается преподавательского процесса в Индии и Пакистане, то он, насколько могу судить, имея лишь опыт знакомства с постановкой дела в университетах, продвинулся вперед. Обе страны имеют общую традицию и хорошо организованную систему преподавания. К сожалению, они редко приглашают нас преподавать, да и других иностранцев, зато сами оккупировали все доступные ниши в США, Канаде, Англии и Австралии по истории, социологии, экономике, проблемам безопасности в своих странах и в регионе. Индийская и пакистанская профессура на Западе сегодня главный авторитет. Американцы, конечно, за ними следят. Сколько бы пакистанец или индиец ни провел времени в Америке или в

Англии, он все равно остается по первой идентичности пакистанцем и индийцем, а по второй уже будет американцем или британцем.

— ДД: Вячеслав Яковлевич, наверное, последний вопрос. Каковы ваши пожелания молодым востоковедам?

— ВВ: Хочется пожелать, чтобы востоковедов в том числе пакистановедов, а также индологов, иранистов, туркологов и т. д. становилось больше. Сейчас наметилась тенденция роста конкурса в аспирантуру, при этом, в связи с известными событиями в аспирантуру пошли молодые люди с прагматическими целями, но для того, чтобы заниматься наукой, надо иметь тягу к знаниям. Такое сегодня почувствовать, наверное, сложнее, потому что доступ к знаниям стал короче. К тому же, при новых требованиях к себе, к жизни, к вопросам благополучия, при новых возможностях, которые дает развитие техники, трудиться надо много и избирательно. Прямой дороги нет. У нас была относительно простая жизнь — мы знали, что такое хорошая карьера, удача и неудача. Нам легче было выбирать дорогу, а выбор пути — это самое трудное в жизни. Если ты стоишь перед выбором, то это тяжелое испытание. Выберешь не то, пойдешь не той дорогой, и все получится не так, будешь сожалеть. Сожаление — одна из самых сильных эмоций. Впрочем, с ней, как и с другими эмоциями, надо бороться.

— ДД: Уважаемый Вячеслав Яковлевич, спасибо за интереснейшую беседу! Надеюсь на новые встречи с вами!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белокреницкий В. Я. *Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX – 80-е годы XX века)*. М.: Наука, 1988. 310 с. [Belokrenitsky V. Y. *Capitalism in Pakistan (History of Socio-Economic Development (Mid-90th – 80s of the 20th Century)*. Moscow: Mysl, 1981. 160 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. *Мелкое производство в экономике Пакистана*. М.: Наука. 168 с.

[Belokrenitsky V. Y. *Small-Scale Production in the Economy of Pakistan*. Moscow: Nauka. 168 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. Россия на Среднем Востоке — основные этапы геополитической эволюции (вторая половина XIX — начальные десятилетия XXI в.). *Мусульманский ареал к югу от рубежей России (Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, этнический Курдистан)*. Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко. М.: ИВ РАН 2023 (в печати) [Belokrenitsky V. Ya. *Russia in the Middle East — The Main Stages of Geopolitical Evolution (The Second Half of the 19th — The Early Decades of the 21st Century)*. *Muslim Area to the South of the Borders of Russia (Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan, Ethnic Kurdistan)*. Rep. ed. V. Ya. Belokrenitsky, N. M. Mamedova, N. Yu. Ulchenko. Moscow: IOS RAS, 2023 (in print)].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. *Пакистан*. М.: Мысль, 1981. 160 с. [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N. *Pakistan*. Moscow: Mysl, 1981. 160 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. Л. *Южная Азия в мировой политике*. М.: Международные отношения, 2003. 368 с. [Belokrenitsky V. Y., Moskalenko V. N., Shaumyan T. L. *South Asia in World Politics*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2003. 368 p. (in Russian)].

Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Н. *Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана*. М.: ИВ РАН, 2016. 218 с. [Belokrenitsky V. Y., Sikoev R. N. *Taliban Movement and the Prospects of Afghanistan and Pakistan*. Moscow: IOS RAS, 2016. 218 p. (in Russian)].

Белокреницкий Я. М. *Предприятие и банк*. М.: Московский рабочий, 1962. 84 с. [Belokrenitsky Y. M. *Enterprise and Bank*. Moscow: Moscow Laborer, 1962. 84 p. (in Russian)].

Белокреницкий Я. М. *Финансовая служба предприятий в новых условиях*. М.: Финансы, 1969. 79 с. [Belokrenitsky Y. M. *Financial Service of Enterprises in the New Conditions*. Moscow: Finances, 1969. 79 p.].

Ганковский Ю. М., Гордон-Полонская Л. Р. *История Пакистана*. М.: Восточная литература, 1961. 383 с. [Gankovsky Yu. M., Gordon-Polonskaya L. R. *History of Pakistan*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1961. 383 p. (in Russian)].

Ганковский Ю. В. *Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории)*. М.: Наука, 1964. 280 с. [Gankovsky Yu. V. *Peoples of Pakistan (Main Periods of Ethnic History)*. Moscow: Nauka, 1964. 280 p.].

Гордон-Полонская Л. Р. *Мусульманские движения в Индии и Пакистане (критика «мусульманского национализма»)*. М.: Восточная литература, 1963. 326 с. [Gordon-Polonskaya L. R. *Moslem Movements in India and Pakistan (“Moslem Nationalism” Critique)*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. 326 p. (in Russian)].

Дубровская Д. В. Альбом на память. К восьмидесятилетию Вячеслава Яковлевича Белокреницкого. *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021a. № 3–4. С. [Dubrovskaya D. V. *Memory Album. To the 80th Anniversary of Vyacheslav Y. Belokrenitsky*. *Oriental Courier*. 2021a. No. 3–4. Pp. (in Russian)].

Дубровская Д. В. Вячеслав Яковлевич Белокреницкий и юбилейное издание «200 лет Института востоковедения РАН. Прошлое и настоящее». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021б. № 3. С. 16–20 [Dubrovskaya D. V. *Vyacheslav Y. Belokrenitsky and the Jubilee Edition “200 Years of the Institute 16 of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Past and Present”*. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2021б. No. 3. Pp. 16–20 (in Russian)].

Дубровская Д. В., Столяров А. А. К 90-летию Леонида Борисовича Алаева: о марксизме, общине и индологии. Ч. II. *Oriental Courier*. 2022. № 4. С. 20–38 [Dubrovskaya D. V., Stolyarov A. A. *To the 90th Anniversary of Leonid B. Alaev: On Marxism, Community and Indology. Pt. II*. *Oriental Courier*. 2022. No. 4. Pp. 20–38 (in Russian)].

Жмуйда И. В. *Внеэкономические связи Пакистана*. М.: Наука, 1981. 190 с. [Zhmuída I. V.

External Economic Relations of Pakistan. Moscow: Nauka, 1981. 190 p.].

Институт востоковедения РАН. *Прошлое и настоящее. К 200-летию основания*. Авт.-сост. Д. В. Дубровская; отв. ред. В. В. Наумкин. М.: ИВ РАН, 2018. 336 с. [*Institute of Oriental Studies RAS. Past and Present. To the 200th Anniversary of Its Foundation*. Comp. by D. V. Dubrovskaya; ed. by V. V. Naumkin. Moscow: IOS RAS, 2018. 336 p. (in Russian)].

Каменев С. Н. *Экономический рост Пакистана*. М.: Наука, 1977. 152 с. [Kamenev S. N. *Economic Growth of Pakistan*. Moscow: Nauka, 1977. 152 p. (in Russian)].

Каменев С. Н. *История экономических процессов в Пакистане (XX – начало XXI в.)*. М.: ИВ РАН, 2019. 392 с. [Kamenev S. N. *History of Economic Processes in Pakistan (20th – the Beginning of the 21st Century)*. Moscow: IOS RAS, 2019. 392 p. (in Russian)].

Коргун В. Г. *История Афганистана. XX век*. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. 528 с. [Korgun V. G. *The History of Afghanistan. 20th Century*. Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2004. 528 p. (in Russian)].

Левин С. Ф. *Формирование крупной буржуазии Пакистана*. М.: Наука, 1970. 271 с. [Levin S. V. *The Formation of the Pakistani Big Bourgeoisie*. Moscow: Nauka, 1970. 271 p. (in Russian)].

Левин С. Ф. *Государство и монополистическая буржуазия в Пакистане*. М.: Наука, 1983. 286 с. [Levin S. F. *State and Monopolistic Bourgeoisie in Pakistan*. Moscow: Nauka, 1983. 286 p. (in Russian)].

Мукиджанова Р. М. *Страны Центральной Азии. Азиатский вектор внешней политики*. М.: Научная книга, 2005.

Растяйников В. Г., Кузьмин С. А. *Проблемы экономики Пакистана*. М.: Наука, ГРВЛ, 1958.

276 с. [Rastyannikov V. G., Kuzmin S. A. *Problems of Pakistani Economics*. Moscow: Nauka, GRVL. 276 p. (in Russian)].

Степанянц М. Т. *Философия и социология в Пакистане. Очерки*. М.: Наука, 1967. 150 с. [Stepanyants M. T. *Philosophy and Sociology in Pakistan. Essays*. Moscow: Nauka, 1967. 150 p. (in Russian)].

Ульченко Н. Ю. Слова признания и признательности: к юбилею В. Я. Белокреницкого. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2021. № 3. С. 12–16 [Ulchenko N. Yu. Words of Recognition and Appreciation: To the Jubilee of Vyacheslav Y. Belokrenitskiy. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2021. No. 3. Pp. 12–16 (in Russian)].

Яковлев А. И. «Он создал Институт в новом качестве, то было его детище»: о Бободжане Гафуровиче Гафурове, директоре Института Востоковедения РАН (1956–1977 гг.). *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2021. № 3–4. С. 242–256 [Yakovlev A. I. “He Created the Institute in a New Capacity, It Was His Brainchild”: On Bobodzhan G. Gafurov, Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (1956–1977). *Oriental Courier*. 2021. No. 3–4. Pp. 242–256 (in Russian)].

Belokrenitsky V. Ya. *Pakistan. Features and Problems of Urbanization*. Moscow: Science. 254 p.

Belokrenitsky V. Ya. *Capitalism in Pakistan. History of Socio-Economic Development (Middle 19th through 89s of 20th Century)*. New Delhi: Patriot Publishers, 1991.

Belokrenitsky V. Y, Moskalenko V. N. *A Political History of Pakistan, 1947–2007*. Karachi: Oxford University Press, 2013. 498 p.

Symonds R. *The Making of Pakistan*. London: Faber & Faber, 1950. 227 p.

